

КНЯЗЬ С. Д. УРУСОВ

Нина Хайлова

кандидат исторических наук

«Образцовый губернатор», «защитник угнетенных при царизме», «образец советского работника», «контрреволюционер»... Полярные, на первый взгляд, характеристики героя нашего очерка, данные ему в разные годы современниками, могут, конечно, вызвать у читателя некоторое замешательство... Насколько, мол, вообще возможно для одного человека такое совмещение в себе, казалось бы, взаимоисключающих черт? Однако эти сомнения рассеиваются по мере того, как знакомишься с биографией Сергея Дмитриевича Урусова и начинаешь сознавать действительный характер и масштаб этой исключительно цельной личности. Урусов принадлежал к тому редкому типу государственных и общественных деятелей, которым удавалось, несмотря на серьезные перемены, происходившие в стране с конца XIX в., сохранять верность своим коренным принципам, совмещать мораль и политику. Какие бы испытания ни устраивала ему жизнь, Сергей Дмитриевич находил в себе силы, чтобы, с одной стороны, не «потерять лица», а, с другой, – в любой ситуации найти разумный компромисс, действовать по «здравому смыслу». Те, для кого, как и для самого Урусова, первостепенное значение имели интересы государства, – неважно, были ли это представители царской бюрократии или советские чиновники, – давали самую высокую оценку его работе. Что же касается разного рода «ярлыков», которые навешивались на имя Сергея Дмитриевича и до революции, и после, то это всегда было делом рук излишне политизированных граждан.

«Поставить себе цель в жизни, которой никогда не достигнешь, но к которой надо постоянно стремиться, идя прямым путем, – не в этом ли заключается житейская мудрость и смысл нашего существования?...»¹. Эти размышления молодого Урусова, по сути, есть ни что иное, как его жизненное кредо. Понятно, что цель земного существования, достойная человека, в понимании Сергея Дмитриевича, никак не связана с достижением материальных благ, успешной карьерой. Своего рода камертоном, определявшим его отношение к миру и собственной судьбе, по словам

дочери Урусова – Софьи Сергеевны, было характерное для лучших представителей их рода «ощущение себя как части “Человечества” с большой буквы..., а для Человечества стоит приносить любые жертвы... и жизнью, и имуществом»². Для Сергея Дмитриевича человечество – это, прежде всего, Родина – Россия. Он вспоминал, что с молодости, поступая на службу, принял за правило – не заботиться о себе, а думать только о порученном деле и «действовать всегда по закону»³. Урусов был настоящим патриотом, но при этом он никогда не выступал с громкими декларациями по этому поводу. И только, например, в разговоре с внучкой, наставляя ее, мог позволить себе ясно и четко обозначить свою позицию, не боясь громких слов. «Дедушка говорил, – вспоминала она, – что в стране будут меняться правители. Одни будут лучше, другие хуже... Ко мне это не должно относиться... Есть Отечество – и своим посильным трудом я должна ему помогать»⁴. Сам он именно так всегда и поступал.

Сергей Дмитриевич был искренним либералом. По собственному признанию, безусловную ценность для него всегда представляли (наряду с вопросами нравственности) принципы незыблемости прав и свобод человека, законоправия, за которые ему не раз приходилось отчаянно сражаться. Что же касается вопросов, как он говорил, «практического характера» (а к их числу Урусов относил и дискуссии по поводу государственного устройства, форм правления), то в этом случае он обычно старался ограждать себя от нетерпимости⁵. Здесь, кстати, кроется объяснение тому, почему Сергей Дмитриевич – при всей его общественной активности – был, по сути, «непартийным» человеком (за исключением кратковременного пребывания в 1906 г. в Партии демократических реформ, которую сочувствовавшие ей современники называли «партией здравого смысла»). Любые попытки «закрепощения личности», связанные со стремлением наложить на человека какие-то внешние ограничения (организационные, идеологические), – все это для Урусова было неприемлемо. Он всегда ревниво оберегал свою самостоятельность от любых поползновений подобного рода.

Предпочитая свободное общение с единомышленниками, Урусов в то же время осознавал необходимость создания определенных структур для выработки и

эффективного осуществления программы демократических преобразований в России. Критически оценивая полезность в этом смысле традиционных политических партий (со склонностью их вождей к партийной диктатуре, нетерпимостью к иным мнениям и т.д.), он, в частности, с большим доверием относился к деятельности масонских лож и принимал активное участие в их собраниях. По сведениям современного исследователя А. И. Серкова, в первые годы XX в. и в период Первой мировой войны Урусов был председателем Верховного совета русского масонства, входил в состав (в ряде случаев в качестве члена-основателя) Ложи Возрождение (Москва), Ложи Киевская Заря, Ложи Верховного совета Великого Востока народов России (Петербург), Кавказской Ложи (Кутаиси). Совместное обсуждение на масонских собраниях животрепещущих вопросов российской жизни объединяло Урусова с такими известными деятелями науки, культуры, общественной жизни, как Е. В. Аничков, Н. Н. Баженов, Ю. С. Гамбаров, Е. И. Кедрин, М. М. Ковалевский, С. А. Котляревский, В. А. Маклаков, В. И. Немирович-Данченко, В. П. Обнинский, А. В. Оболенский, А. А. Орлов-Давыдов, А.И. Сумбатов-Южин и др.⁶

Урусову было свойственно, как принято говорить, философское отношение к жизни. Отвечая летом 1911 г. на вопросы домашней анкеты, он признавал, что больше всего ценит в людях такое качество, как терпимость. Что же касается собственных добродетелей, то главные из них он обозначил как «терпение и девиз Якова Пасынкова⁷: resignation⁸»⁹. На склоне лет Урусов дал более определенную самохарактеристику: «Я в своей жизни и деятельности был в известной степени оппортунистом, но не бойцом, боровшимся за свои убеждения, скорее любопытным зрителем, нежели деятельным противником идей и течений, казавшихся мне ложными и вредными. Со многим я мирился и равнодушно молчал, лишь бы мне самому не приходилось действовать в несвойственном мне духе»¹⁰. А судьба, действительно, все время испытывала характер Сергея Дмитриевича на прочность. Он же, во-первых, эти «вызовы» всегда смело принимал. Это тоже была его неизменная позиция. Он не считал себя вправе уклоняться, если, например, ему предлагали должность на общественной или государственной службе. И дело тут вовсе не в стремлении выслужиться (напротив, он никогда не был «карьерным»

человеком), а в его мироощущении, готовности к служению, так сказать, высшего порядка – служению Родине, людям. Во-вторых, все, за что брался Урусов, он выполнял с полнейшей самоотдачей, независимо от размера вознаграждения. Причем как раз именно работу «на общественных началах» он любил больше всего... Терпимость и терпение, доверие и благожелательное отношение к людям, – эти черты характера помогали Сергею Дмитриевичу во многих жизненных обстоятельствах. По отзывам современников, Урусов обладал замечательным талантом – примирять общественные интересы, объединять в общем деле самых разных людей.

Еще одним отличительным качеством Урусова было чувство собственного достоинства. При этом – ни тени эгоцентризма, спесивости. Напротив, его отношение к людям, независимо от их общественного положения, всегда было ровным, естественным, без всякого «лицедейства». Софья Сергеевна Урусова вспоминала: «Как хорошо я помню, с каким уважением и даже можно сказать с почтением мой отец разговаривал с мудрым старым крестьянином... или с сельским учителем..., и наоборот, какой отгораживающей холодной любезностью было проникнуто его отношение, например, к министру Дурново, как бы защищающее от возможной фамильярности»¹¹. Примечательно, что когда Урусов возглавлял работу в земстве, он всегда старался создать такую обстановку в собраниях, чтобы побудить крестьян высказываться на равных с другими гласными, специально устраивал общие обеды, где все сидели за одним столом – и «мужики», и «господа»... Далекий от идеализации крестьянства и, в целом, общинных порядков, Урусов всегда с неизменной симпатией относился к простому народу, стремился в меру сил и возможностей способствовать умственному развитию и материальному благосостоянию русской деревни. «Наш великороссийский крестьянин, освобожденный от давления неблагоприятных обстоятельств, очищенный, так сказать, от коры, представлялся мне существом умным, способным быстро усваивать культуру, отнюдь не сентиментальным и даже несколько лукавым в деловых отношениях, но все же хранящим где-то в глубине своего сознания стремление к добру, искание правды, которую он умеет различать и ценить. И теперь я продолжаю думать, – писал Сергей Дмитриевич в начале 1930-х

гг., – что раз такие идеалы имеются в народной душе, хотя бы в зародыше, то нет основания терять надежды на то, что они разовьются, примут реальную форму и выразятся в каком-нибудь сильном народном движении. Не хочется допускать мысли о том, что обессиленная русская деревня обратится в колонию Европы и что русский народ послужит лишь в качестве “удобрения” для наших западных соседей»¹².

Среди «фирменных» урусовских черт – чувство меры во всем, и лучше, чем он сам, об этом, пожалуй, не скажешь. Он писал: «Оглядываясь на свое прошлое ... я должен отнести себя к числу людей, не заслуживающих названия веселых товарищей, с душой нараспашку, всегда открытым сердцем и кошельком, всегда готовых “за компанию” провести ночь за бутылкой или за карточным столом. Я всегда вел очень регулярную жизнь, рано ложился спать, редко и лишь случайно пил вино, не кутил, не подписал в течение своей жизни ни одного векселя, а предстоявшие мне платежи всегда производил до наступления срока уплаты. Несмотря на то, что в моем распоряжении часто находились значительные средства, я мало тратил на свои прихоти, за пятьдесят лет сшил себе только три фрака и шесть сюртуков... Добавлю, что выигрыши и проигрыши мои в карты ни разу не превысили трех рублей ...; что на конских бегах я был два раза в жизни, а на скачках – ни одного раза и, наконец, что, бывая в игорном доме Монте-Карло, я никогда не испытывал даже искушения поставить 5 франков на поле рулетки. Решаюсь для полноты характеристики упомянуть еще об одной черте своего характера и образа жизни, хотя заранее уверен, что многие мне не поверят: из всех богов классической древности всего менее жертв я приносил к алтарю богини Венеры, хотя всегда любил женское общество. Но посвященных культу Венеры современных мне учреждений я ни разу в жизни не посетил..., а при своем бракосочетании имел бы право вдеть в петлицу фрака флер’д’оранжевый букет»¹³.

Впрочем, можно дополнить этот автопортрет Урусова еще несколькими штрихами. При всей кажущейся аскетичности, все-таки по натуре он был скорее жизнелюб, знал толк во многих удовольствиях. При всей бытовой неприхотливости Сергея Дмитриевича, его можно назвать гурманом, знатоком кухни, и не только русской. Уже в 1930-е гг. вместе с шеф-поваром московского ресторана «Метрополь»

он перевел с французского кулинарную книгу, которая была опубликована, правда, без упоминания его имени как переводчика и консультанта¹⁴. Князь прекрасно играл в бильярд, шахматы. Еще одна его многолетняя страсть – сигары. «Последнюю свою сигару я выкурил 30 апреля 1919 г., когда запас мой истощился и мне пришлось бросить 30-летнюю привычку»¹⁵, – вспоминал он.

В целом, Сергея Дмитриевича можно назвать человеком не суеты, но сути. Он всегда был нацелен на какое-то конкретное полезное дело. Ценил время – свое и чужое; отличался исключительной самодисциплиной, строгостью прежде всего к самому себе. Даже в старости Урусов не давал себе поблажек. Внучка запомнила его наставление: «Старость должна быть опрятна и не смешна»¹⁶. Сергей Дмитриевич нередко производил впечатление не слишком общительного человека – «несколько холодноватого и критичного», даже желчного. Но под этой маской скрывался гостеприимный, хлебосольный хозяин и к тому же щедрый благотворитель. На протяжении многих лет Урусовы исключительно за счет своих личных средств содержали в своем имении Расва (Росва)¹⁷ под Калугой амбулаторию для окрестных крестьян, занимались образованием крестьянских детей. Это, кстати, в определенной мере смягчило удар, нанесенный по их «гнезду» революцией 1917 г. Долго еще потом – уже в советское время – крестьяне вспоминали добрым словом своих помещиков «и за лечение, и за хорошо организованную школу». Она размещалась посреди сада, в двухэтажном каменном доме, и действовала вплоть до 1980-х гг., когда совхоз построил новое школьное здание.

Семья Урусовых дала России много замечательных людей. Это – общественные деятели, финансисты, врачи, творческие и научные работники. В этой связи Софья Сергеевна замечала: «Насколько хороши и ценны Урусовы для своего дела, своей страны, хотя они в большинстве и хорошие семьянины, все же семья у них на втором месте»¹⁸. У Софьи Сергеевны, наверное, были основания для такого наблюдения, но все-таки ее вывод представляется излишне категоричным. Дело в том, что есть много фактов, которые свидетельствуют о Сергее Дмитриевиче как о нежном и заботливом муже, отце, дедушке. Он очень серьезно относился к воспитанию и собственных детей, и внуков. В частности, наставляя их, всегда внушал: мало быть хорошим

специалистом, надо быть широко образованным человеком. Сам Урусов был потрясающим эрудитом, истинным ценителем литературы, искусства. В доме была традиция семейного чтения вслух, в том числе на иностранных языках. Сергей Дмитриевич очень любил это занятие, читал превосходно – как актер. У него было замечательное чувство юмора. Для внушек он придумывал разные интересные истории, которые (как теперешние сериалы) продолжались у него годами. Урусов оставил блестяще написанные воспоминания о своей жизни. Эту его творческую жилку – чувство стиля, вкус к слову, сочинительству, игре, – унаследовали потомки. Традицию семейного «летописания» продолжила дочь Софья – автор интереснейших мемуаров. Одно то, что их собирался публиковать (но не успел) А. Т. Твардовский в «Новом мире», говорит само за себя. Другая дочь Сергея Дмитриевича, Вера, готовившаяся стать врачом, в то же время была одарена от природы и незаурядными творческими способностями: сочиняла стихи, играла на рояле, была «заводилой» в организации всякого рода домашних увеселений. О ней очень тепло вспоминала известная актриса и режиссер, народная артистка СССР С. В. Гиацинтова¹⁹. Вера рано умерла, но как бы передала эстафету своим двум дочерям. Одна из внушек Урусова – Елена Алексеевна Фадеева, – народная артистка СССР, больше 60 лет играла на сцене московского театра имени Ленинского комсомола. «А жизнь почти прожита...» – так назвала волнующие записки о времени и о себе ее сестра, Екатерина Алексеевна Фадеева – врач, прошедшая всю войну и оставившая о себе исключительно светлую и добрую память среди многочисленных пациентов уже в послевоенное время. Говоря о творческих личностях, имеющих прямое отношение к Сергею Дмитриевичу, надо упомянуть и его крестницу, племянницу (дочь брата) – Эду (Евдокию) Юрьевну Урусову, народную артистку России, проработавшую в Московском драматическом театре им. М. Н. Ермоловой с 1927 г. до последних дней жизни (она умерла в 1996 г., в возрасте 88 лет).

Сергей Дмитриевич Урусов прожил не легкую, но достойную и чрезвычайно насыщенную событиями жизнь. Цель данного очерка – не только познакомить читателя с основными вехами биографии этого замечательного человека, пытавшегося внести свой посильный вклад в строительство демократической России,

укоренение на русской почве ростков либеральной («срединной») культуры еще до революции 1917 г., но и проследить, как сложилась его судьба в годы советской власти, и, в частности, привести документальные свидетельства, опровергающие домыслы в отношении Урусова, которые можно встретить в современных исследованиях, – к примеру, о его участии от имени Правого центра в переговорах с представителями немецкого посольства; об обстоятельствах смерти и т.д.

Спасское – «родовое гнездо» князей Урусовых под Ярославлем

Сергей Дмитриевич Урусов родился 7(19) марта 1862 г. в селе Спасском близ Ярославля и принадлежал к пятому поколению ярославской «ветви» Урусовых. Корни этой княжеской династии, прославленной в российской истории, уходят в глубь веков. Их общим предком принято считать золотоордынского правителя Едигея Мангита (1352-1419)²⁰. Непосредственный родоначальник князей Урусовых – ногайский князь Урус-мурза (ок.1540–1610), поддерживавший тесные дружественные связи с Москвой и в 1580 г. принявший присягу в верности Ивану IV. А зачинателем русской «линии» рода стал внук Уруса - Касим-мурза (в крещении – князь Андрей Сатыч Урусов (ок. 1585–1647). При царе Алексее Михайловиче князья Урусовы вошли в число знатнейших фамилий государства Российского. На протяжении XVII – XVIII вв. они не раз соединялись семейными узами с известными аристократическими семействами, в т.ч. с Щербатовыми, Долгоруковыми, Строгановыми. Род Урусовых был внесен в число родов российско-княжеских при Высочайшем утверждении 23 июня 1801 г. VI части Общего гербовника российских дворянских родов.

Сергей Дмитриевич Урусов являлся потомком Василия Алексеевича Урусова (ок. 1690–1742), известного мореплавателя, исследователя Каспия, контр-адмирала, директора Санкт-Петербургской Морской академии. Его сыновья не пошли по стопам отца, а сделали карьеру на гражданской службе: Сергей Васильевич (1725-1787) стал губернатором Вологды, а Никита Сергеевич (ок.1760– ранее 1812) был ярославским вице-губернатором (1786-1793), а затем губернатором (1793-1797). Кстати, через вторую жену Никиты Сергеевича и мать его детей - Прасковью Степановну Ржевскую - Урусовы оказались в родстве с А. С. Пушкиным...

Дед С. Д. Урусова - Семен Никитич (1785–1857), тайный советник, сенатор. Начав службу в эпоху Александра I при министре финансов А. И. Васильеве, он рано отошел от активной государственной деятельности. После женитьбы на Анне Ивановне фон Маркшиц (1788–1848), выпускнице Смольного института (дочери датского архитектора, принятого на службу при Екатерине II), Семен Никитич большую часть года проводил со своим многочисленным семейством в родовом имении Спасское под Ярославлем. По воспоминаниям С. Д. Урусова, его дед «имел 18 детей, из них 14, переживших детский возраст», при этом отец Сергея Дмитриевича, будучи младшим сыном, настолько далеко отстоял по возрасту от своей старшей сестры, «что он ее совершенно не помнил и, кажется, никогда не видал»²¹. Именно Семен Никитич выстроил в Спасском просторный новый дом из отборных сосновых бревен, который, изменившись почти до неузнаваемости, тем не менее «дожил» до наших дней и продолжает служить людям, предоставляя кров пациентам областной психиатрической больницы...

Дед Урусова не был богат, однако смог «поставить на ноги» всех своих детей, «занимаясь внимательно и с любовью сельским хозяйством»²². Он был действительно образцовым помещиком, в чем несложно убедиться, благодаря сохранившейся в архиве рукописи С. Н. Урусова - «Краткое обозрение состояния земледелия и народной промышленности в Ярославской губернии и причин их упадка» (август 1837 г.). Опираясь, прежде всего, на собственный богатый житейский опыт, Семен Никитич всесторонне и обстоятельно исследовал систему хозяйствования, сложившуюся в родной губернии. В основе его выводов - масса статистических сведений, собранных им самим. Ничто не ускользает от внимания Урусова. Он со знанием дела рассуждает о недостатках трехполья, особенностях выращивания разнообразных культур (ячмень, пшеница, гречиха, картофель, лен, горох), использовании удобрений, применении сельскохозяйственных орудий, распространении народных промыслов, крестьянских повинностях, задачах образцовых помещичьих хозяйств и т.д. Он также высказывает собственное суждение о правительственной политике, в частности, реформе П. Д. Киселева. Шаг за шагом продвигаясь от «частного» к «общему», Урусов подводит читателя к пониманию двух

взаимосвязанных вопросов первостепенной государственной важности: вознаграждается ли должным образом в России труд земледельца? и отчего земледелие у нас «находится в детстве, тогда как оно процветает в других Европейских Государствах, например, в Англии и Германии, и в некоторых частях Северной Америки»? Главный вывод Урусова: «из числа податных состояний в Государстве, состояние земледельца в настоящее время есть самое невыгодное..., земледелие обращается в убыток», отсюда, по его мнению, - необходимость безотлагательных мер, прежде всего, в сфере денежного обращения и развития частного кредита, направленных «к возвышению ценности и к выгодному сбыту земледельческих произведений»²³. Примечательно, что поводом для составления данного «обзора», очевидно, послужило обращение к Семену Никитичу заинтересованных лиц, имевших отношение к выработке государственной политики и пожелавших узнать авторитетное мнение Урусова о ситуации в русской деревне. Помимо намека самого Урусова на это обстоятельство, такое предположение выглядит вполне правдоподобным, поскольку, как свидетельствует сам автор документа, это был не первый случай привлечения его в качестве эксперта по проблемам общеимперской значимости. Так, в 1832 г., по просьбе Общества поощрения лесного хозяйства, Семен Никитич (занимавший тогда пост ярославского губернского предводителя дворянства) составил аналитическую записку по вопросу «о лесах в Ярославской губернии и способах разведения их», которая повлияла на принятие соответствующего закона.

Любовь к труду на земле, умение грамотно и рационально вести собственное хозяйство, с одной стороны, а с другой - страстный общественный темперамент, стремление послужить Отечеству, и вообще – желание в любом деле «дойти до сути», - эти черты «урусовского характера», в полной мере проявившиеся и у героя настоящего очерка, были свойственны также его отцу. Дмитрий Семенович Урусов (1830–1903), оставив военную службу в 1860 г. (в звании полковника), стал одним из наиболее активных участников проведения Крестьянской реформы 1861 г. в Ярославской губернии. Свидетельством авторитета Д. С. Урусова у земляков явилось избрание его мировым посредником первого призыва, затем – председателем

Ярославской уездной (впоследствии - губернской) земской управы, почетным мировым судьей. В 1862 г. Дмитрий Семенович возглавил Ярославское общество сельского хозяйства. Один из сильнейших отечественных шахматистов своего времени, он был причастен к созданию Общества шахматной игры в России. Кстати, виртуозом шахматной игры был и его брат – Сергей Семенович, по воспоминаниям С. Д. Урусова, большой чудак и оригинал, прославившийся своей дружбой с Л. Н. Толстым и, возможно, послуживший прообразом главного героя повести «Отец Сергей»²⁴.

Мать Урусова, Варвара Силовна Баташева, хотя и не была княжеского происхождения, принадлежала к очень известной семье крупных землевладельцев и предпринимателей - рудопромышленников и заводчиков. Дмитрий Семенович и Варвара Силовна воспитали пятерых сыновей и трех дочерей и переехали в Петербург лишь к концу жизни. Однако похоронили их (отец умер в 1903 г., а мать – в 1905 г.) все-таки вдали от столичной суеты, в родном Спасском, где до наших дней сохранилась гранитная плита с их могилы – не слишком приметная среди огородов и сараюшек местных жителей, потревоженная вандалами и перевернутая надписью вниз.

На закате жизни, вспоминая о родителях, Сергей Дмитриевич писал: «В моих глазах они стоят на такой нравственной высоте, что их характеристика... обратилась бы в непрерывный ряд похвал... Они сделали все от них зависящее, чтобы дать нам образование и твердые правила поведения как в нашей личной, так и в общественной жизни, служа нам в этом отношении живым примером»²⁵.

С восторгом вспоминал Урусов о богатейшей библиотеке, собранной его предками в Спасском. С раннего детства он испытывал не просто любовь, а настоящую страсть к чтению. До конца своих дней Сергей Дмитриевич сохранил убеждение, что нет учителей лучше и надежнее, чем хорошие книги. Вкус и тягу к самообразованию Урусов сохранил до конца своих дней. «Читал всегда много по системе и без системы, по разнообразным отраслям литературы», – записал Урусов в автобиографии (1924)²⁶. При этом, по его собственному признанию на склоне лет,

«никогда регулярно не читал газет, по целым неделям не брал их в руки и ни малейшего неудобства от этого не испытывал»²⁷.

Годы ученичества: ярославские и московские впечатления

В 1871 г. Урусовы переселились в Ярославль, где с 1872 по 1881 гг. Сергей учился в местной гимназии. Сразу после ее окончания покинув старинный волжский город, он, тем не менее, навсегда сохранил в своем сердце горячую любовь к своей «малой» Родине. И, конечно, вовсе не случайно, работая на склоне лет над своими воспоминаниями, Сергей Дмитриевич так много места отвел в них именно ярославским страницам своей жизни, а повествование обо всем увиденном и пережитом им в детстве проникнуто особым лиризмом²⁸...

Спустя много лет, уже в начале 1930-х гг., он с гордостью вспоминал о своих земляках: «Когда я в настоящее время сравниваю Ярославль с прочими губернскими городами, в которых мне приходилось жить, у меня создается впечатление, что ярославское общество в целом было богаче духовными ресурсами, интереснее, культурнее прочих. Этому содействовало, как мне кажется, не только нахождение в нашем городе высшего учебного заведения – Демидовского лицея, но и то участие, которое в общественной жизни города принимало богатое и образованное ярославское купечество. Такие семейства, как Лопатины, Пастуховы, Соболевы, Кокуевы, Сорокины, Дунаевы, как по образу жизни, так и по воспитанию, ничем не отличались от так называемого “высшего класса”, разве только обладанием более крупных состояний». Урусов особо выделял такие черты, свойственные «кровному ярославцу», как расторопность и деловитость, приводя среди многочисленных примеров и своего знакомого предпринимателя А. В. Чичкина, «организовавшего в Москве и ряде других городов России образцовую торговлю молоком и молочными продуктами на новых началах, к взаимной выгоде и пользе покупателя и продавца».

Сергей Дмитриевич, обычно сдержанный в проявлении эмоций, замечал: «Я всегда старался избегать националистических увлечений, но для своих земляков делаю исключение. Всех граждан нашей страны я делю на две части: на ярославцев и прочих, и к первым чувствую особое влечение, с удовольствием слежу за их

успехами и горжусь ими... Я считаю возможным, что нашим северянам придется когда-нибудь приложить руку и к организации нашего государственного порядка. Если наступит момент, когда железные обручи, стягивающие наши разнородные окраины в одно целое, а именно ЦК ВКП(б) и ОГПУ, ослабят свое напряжение и бочка развалится на части, то восстановительная государственная работа должна будет получить первый толчок в той полосе России, которая лежит севернее 56-й параллели и в центре которой находится Ярославль (выделено Урусовым.- Н.Х.)»²⁹.

В 1870-е гг. Урусовы особенно сблизились с семейством Евгения Ивановича Якушкина (1826-1905), сына известного декабриста, крупного ученого – специалиста в области обычного права, одного из наиболее просвещенных и авторитетных представителей ярославского общества, который с 1859 по 1884 гг. занимал пост управляющего губернской палатой государственных имуществ. «Свобода, простота, честность»³⁰, – эти принципы, на которых был основан весь строй жизни в домах и Урусовых, и Якушкиных, Сергей Дмитриевич усвоил с детства и на всю жизнь. Будучи гимназистом, он видел в доме у Якушкиных весь цвет тогдашней ярославской интеллектуальной элиты в лице директора Демидовского юридического лицея М. Н. Капустина, профессоров А. С. Посникова, Н. С. Сергиевского, И. Т. Тарасова, И. И. Дитятина и др., слышал разговоры, в которых критиковались самодержавные порядки. С ранних лет у князя сформировалось убеждение, что «высший идеал человечества» – это «свобода, равенство, братство», а лучший способ разрешения общественных противоречий – это все-таки не революция, а нравственное совершенствование личности, просвещенной и независимой.

Огромное влияние на Урусова оказал сам Якушкин, близкий по воспитанию, традициям и убеждениям к тому московскому кружку, который, в лице Т. Н. Грановского и его сподвижников, являлся представителем прогрессивного направления 1840-1850-х гг. Поэтому, когда Сергею пришла пора решать, куда поступать после гимназии, Московский университет с его традициями, живыми в якушкинской семье и имевшими в глазах юноши особое обаяние, был выбран им вовсе не случайно.

По воспоминаниям Урусова, он и его товарищи по университету ощущали себя «наследниками образа мыслей 1860-х годов»: «Это был не писанный и не выраженный определенно кодекс умственно-нравственных правил, согласно которому «высший свет» следовало воспринимать как собрание легкомысленных бездельников; людей облеченных властью – рассматривать как притеснителей народа; к правительству в целом полагалось относиться если не прямо враждебно, то недоверчиво и т.д. Мы, отчасти бессознательно, воспринимали ослабленные расстоянием веяния времен Герценовского Колокола, Современника, Базарова, Чернышевского и Некрасова, слегка видоизмененные в произведениях Щедрина и ежедневно отражаемые в смягченных и более культурных формах «профессорской газетой» «Русскими Ведомостями». Нам казалось, что на верхах упрямо не хотят делать того, что нужно и что вместе с тем представляется для всех очевидным и легко достижимым»³¹.

Обучаясь на историко-философском факультете Московского университета в 1881-1885 гг., Урусов, поклонник В. И. Герье и В. О. Ключевского, избрал своей специальностью всеобщую историю. В ту пору он особенно любил бывать в московском доме бывшего ярославского губернатора Ивана Семеновича Унковского, где и познакомился со своей будущей женой – Софьей Владимировной Лавровой, дочерью председателя Московского окружного суда. 1885 год стал знаменательным в судьбе 23-летнего Сергея Урусова: он не только получил диплом о высшем образовании, но и обвенчался со своей избранницей.

Урусов – калужский помещик и земский деятель

Молодая семья поселилась в «родительском гнезде» супруги Урусова – селе Расва, Перемышльского уезда Калужской губернии, отстоявшем от Калуги в 14 верстах. Там Сергей Дмитриевич впервые увлекся сельским хозяйством, которое, как он сам признавал, стало, его основной специальностью. Посвятив сельскохозяйственной практике в общем итоге 26 лет своей жизни, занятия этого Урусов не оставлял до 1917 г. и возвращался к любимому делу всякий раз после недолгих перерывов, связанных с общественной и государственной деятельностью. Благодаря кипучей энергии, целеустремленности и энтузиазму молодого помещика,

его каждодневным неустанным заботам и систематическому, напряженному труду, имение Расва в течение нескольких лет превратилось в образцовое многоотраслевое хозяйство. Гордостью Урусова была пашня, стабильно приносящая высокие урожаи зерна, а также племенное молочное стадо, сыроварня, обширные фруктовые сады, оранжереи, мельница и т.д. Подолгу живя в провинции, Сергей Дмитриевич самостоятельно и весьма основательно изучил сельскохозяйственные науки, бухгалтерию, юриспруденцию (в 1908 г. он даже намеревался сдать экзамен, чтобы стать дипломированным юристом). Во время поездок в Берлин и Москву князь получал необходимые консультации специалистов по агрономии и животноводству, бухгалтерии. Настоятельная необходимость в расширении образования и приобретении разнообразных практических навыков возникала у него не только из потребностей, связанных с управлением собственным хозяйством, но и в связи с общественными обязанностями, круг которых постоянно расширялся.

В июле 1885 г. приказом по Министерству финансов Урусов получил назначение на должность податного инспектора Калужского и Перемышльского уездов. В июне 1886 г. он был избран предводителем дворянства Перемышльского уезда и выполнял эту почетную обязанность вплоть до апреля 1896 г. По достижении им требуемого законом 25-летнего возраста, земское собрание выдвинуло князя в почетные мировые судьи, а вскоре – в председатели съезда мировых судей. В январе 1890 г., едва вступив в губернское земское собрание, 27-летний Урусов был избран на должность председателя Калужской губернской земской управы, которую занимал в течение трех лет (1890-1892). Много времени и сил было затрачено им на упорядочение финансов земства, борьбу с голодом (1891 г.), холерой и т.д. Сергей Дмитриевич характеризовал себя как «человека, любящего земство, верящего в его силу, в его достоинство и в его будущее», был убежден в том, что только «дружная работа общественных сил поможет нашей стране выйти из всех затруднений и стать на твердый путь государственного усовершенствования»³². Урусов всегда любил общественную работу, занимался ею, как он сам говорил, из «чести», а не за плату, и, похоже, не мыслил своей жизни без этого.

Бурная и весьма успешная деятельность Урусова на посту председателя губернской земской управы была отмечена стремлением ее членов продлить пребывание Сергея Дмитриевича в этой должности на новое трехлетие. Однако по собственной настоятельной просьбе Урусова его кандидатура на очередных выборах не выставлялась. Такое решение он сам объяснял некоторыми семейными обстоятельствами, накопившейся усталостью, а главное – несогласием с реакционным курсом правительства Александра III, выразившимся, начиная с 1889 г., в урезании самостоятельности земств, усилении дворянского «элемента» и, соответственно, сужении представительства крестьян в земских собраниях. «Я смутно чувствовал, что «дух времени» отодвинул меня от общего к частному, от растущих живых интересов – к отмирающим»³³. Сложив с себя бремя общественной службы, Урусов с головой ушел в дела своего имения. Правда, полностью освободиться от общественных обязанностей ему не удалось. В 1893-1896 гг. он являлся членом Учетного комитета калужского отделения Государственного банка. Размеренное течение провинциальной жизни прервалось лишь осенью 1897 г., когда семья Сергея Дмитриевича вынуждена была переехать в Москву в связи с поступлением сына Дмитрия в 7-ю московскую гимназию.

В самом начале 1900-х гг. Урусов был зачислен в штат Канцелярии московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и выполнял обязанности инспектора по надзору за типографиями и книжной торговлей в первопрестольной. Кроме того, очень скоро Сергей Дмитриевич стал заметной фигурой в общественной жизни Москвы. Он избирался сначала участковым, затем почетным мировым судьей столичного съезда мировых судей, вместе с В. Ф. Джунковским, Д. Ф. Треповым, В. А. Бахрушиным и другими состоял членом московского столичного попечительства о народной трезвости. Спустя годы среди особенно памятных знакомств этого периода сам Урусов называл встречи с Л. Н. Толстым, отметив, правда, что в их семье «поклонение Толстому как мудрецу и учителю жизни не привилось»³⁴.

Летом 1902 г., приехав в Петербург на свадьбу к сестре, Урусов на вокзале случайно встретился с министром внутренних дел В. К. Плеве. Это была их вторая встреча, первая же состоялась 12 лет назад, когда Сергей Дмитриевич, по делам

земской службы, приезжал к Москву на прием к Плеве, исполнявшему тогда обязанности товарища министра внутренних дел. С первого взгляда узнав Урусова, вечером того же дня Плеве предложил ему пост вице-губернатора Тамбовской губернии. Скоропалительность такого решения министра во многом объяснялась тем, что незадолго до этого кандидатуру Урусова для занятия какой-либо губернаторской должности ему рекомендовал московский губернатор А. Г. Булыгин, хорошо знавший Сергея Дмитриевича по Калуге в свою бытность калужским губернатором. Новое назначение князя состоялось в октябре 1902 г.

На губернаторском поприще

Первые шаги Урусова в роли тамбовского вице-губернатора оказались вполне успешными. В «верхах» вполне оценили его усилия, способствовавшие «наведению мостов» во взаимоотношения администрации с деятелями местного самоуправления, среди которых все более заметную роль начинали играть либералы. Сергей Дмитриевич отмечал влияние на образ мыслей здешних земцев тамбовского землевладельца, известного государствоведа и философа Б. Н. Чичерина. К 1902 г. тот уже закончил свою научную карьеру и, несмотря на преклонный возраст и болезни, стремился проводить в жизнь свои идеи развития местного самоуправления, участвуя в качестве гласного в земских собраниях. Сблизившись с местными либералами, в т.ч. В. М. Петрово-Соловово, В. И. Вернадским, Ю. А. Новосильцевым, приобретшими впоследствии всероссийскую известность, а также наблюдая потуги своего непосредственного начальника, губернатора В. Ф. фон-дер-Лауница, искоренить «крамолу» (хотя ничего противозаконного в деятельности оппозиции не было), Урусов все больше убеждался в неэффективности силовых методов в борьбе с общественным мнением.

Впоследствии Сергея Дмитриевича перебрасывали из одной «горячей точки» в другую: с мая 1903 г. он – бессарабский губернатор, а с ноября 1904 г. (по июнь 1905 г.) – тверской. И на этом поприще в полной мере проявился исключительный талант Урусова как управленца и организатора. Яркий пример – наведение порядка (причем в кратчайшие сроки) в Кишиневе в 1903 г. после еврейского погрома, известие о

котором потрясло многих, и не только в России. Тогда было разгромлено свыше 1,5 тыс. еврейских домов, квартир и лавок, 49 человек убито, 586 ранено и изувечено³⁵. Софья Сергеевна Урусова вспоминала, как спустя много лет, в начале 1930-х гг., старик-еврей – сторож в проходной одного из «закрытых» московских заводов, куда она не могла попасть по делам службы из-за отсутствия необходимого документа, – узнав, что она дочь бывшего бессарабского губернатора, помог ей со словами: «Если бы я мог, я не только на любой завод, я и в рай бы вам дал пропуск». «Этот случай произошел при жизни папы и он очень смеялся и, по-видимому, был чрезвычайно тронут»³⁶, – записала она в 1960-е гг. Книга воспоминаний Урусова «Записки губернатора» (1907), посвященная как раз бессарабскому периоду его жизни, в свое время имела шумный успех, была переведена на несколько иностранных языков. «Герои» кишиневского погрома (к примеру, публицист П. Н. Крушеван, на протяжении нескольких лет нагнетавший антисемитские настроения в среде православного населения Бессарабии, а также его «соратник» Г. А. Пронин, член Кишиневской городской думы), спустя несколько лет нашли способ свести счеты с автором «Записок губернатора». В 1913 г. они подали на него жалобу в суд «за оскорбление личности», в результате чего Сергей Дмитриевич несколько месяцев провел в калужской тюрьме.

Другой пример эффективной деятельности Урусова связан с «умиротворением страстей» в Тверской губернии. Здесь он сыграл роль своего рода буфера между высшими сферами и лидерами земской оппозиции, которая давно славилась своей особой «зубастостью»: Сергей Дмитриевич сумел убедить императора подписать указ в интересах местного самоуправления³⁷. Характерно, что достигнутый им результат в обоих случаях устроил всех – и верховную власть, которая с помощью Урусова укрепила свой авторитет, и местную общественность, которая в большинстве прониклась искренними симпатиями к руководителю губернии. Не случайно, что в одной из служебных характеристик князь был назван «образцовым губернатором». Успехи Урусова были отмечены орденом св. Владимира III степени и генеральским чином действительного статского советника. Сам он сформулировал основные принципы своей управленческой деятельности следующим образом: «При оценке

взглядов и убеждений своих собеседников (речь идет о чиновниках губернской администрации, общественных деятелях, простых обывателях. – Н.Х.) я всегда исходил из предположения, что они добросовестны и что мнение их вызывается соображениями общей пользы и потому должно быть рассматриваемо с точки зрения его правильности или ошибочности без обязательного приложения к нему мерки “благонадежности”»³⁸. К тому же многие взгляды тверских земцев были близки Урусову - он разделял их «мнение о своевременности включения в наш государственный строй народного представительства»³⁹.

1905 год: начало больших перемен

1905-й год стал в полном смысле переломным в судьбе Урусова. Под впечатлением стремительно развивавшихся событий революции, он перешел на позиции резко критического отношения к самодержавию. Особое недовольство Сергея Дмитриевича вызвала реакция царя на Цусимское поражение. С болью и негодованием князь отмечал, что ответом престола стало не обращение к народу со словами ободрения, не призыв к сплоченности и дружной работе для восстановления государственной мощи России, а «указ, согласно которому бывшему московскому обер-полицмейстеру, товарищу министра внутренних дел Д. Ф. Трепову предоставлялись права министра по охране государственного порядка в борьбе с крамольным общественным движением, а также *руководство* в этом отношении *деятельностью губернаторов*» (выделено Урусовым. – Н.Х.)⁴⁰. После этого Урусов, не раздумывая, принял решение об отставке.

Однако уход Сергея Дмитриевича из «большой политики» оказался непродолжительным, вскоре он был вновь востребован властью. В конце октября 1905 г., по личному приглашению главы нового правительства С.Ю. Витте, Урусов занял пост товарища министра внутренних дел⁴¹. По воспоминаниям А.И. Гучкова, Урусова – видного либерального бюрократа – власти использовали тогда в качестве своего рода «живца», чтобы убеждать общественных деятелей в том, что «Дурново (новый министр внутренних дел. – Н.Х.) вполне приемлем, что он совсем не такой страшный реакционер, как его рисуют»⁴². Трезво оценивая свои, весьма

ограниченные, возможности влиять на политику правительства ввиду крайне ограниченного круга своих новых обязанностей, Сергей Дмитриевич все же не терял надежду «принять живое участие в подготовке законопроектов, подлежавших внесению в Государственную Думу и в Государственный Совет». Однако, к его немалому удивлению, «один только Н. Н. Кутлер в своем министерстве земледелия готовил втихомолку какой-то проект аграрной реформы. Что же касается нашего министерства, в котором по роду дел должна была совершиться наибольшая ломка, то там все было тихо, все шло по-прежнему. Не было и намека не только на неизбежность, но и на возможность каких-либо изменений»⁴³. Урусову, однако, удалось убедить министра в необходимости образовать специальную комиссию для подготовки законопроекта о реформе местного управления в духе манифеста 17 октября 1905 г. «Я слышал впоследствии, – вспоминал Сергей Дмитриевич, которому было поручено возглавить эту комиссию, – что министр нашел наш проект слишком демократическим и похожим более на резолюцию земского съезда, нежели на работу, вышедшую из недр министерства»⁴⁴. По решению Дурново, вскоре комиссия прекратила свое существование.

Другой эпизод министерской деятельности Урусова связан с привлечением его к работе еще одной комиссии, образованной для пересмотра правил, ограничивавших права старообрядцев (председатель – гр. Н. П. Игнатьев). По мнению Сергея Дмитриевича, проект закона, рожденный сотрудниками Игнатьева и получивший одобрение царя, «не мог быть сочтен проведением в жизнь провозглашенного (Манифестом 17 октября 1905 г. – *Н.Х.*) принципа свободы вероисповедания, так как, наоборот, подтверждал основные запреты, применявшиеся к иерархии и богослужению старообрядцев». Поэтому понятно крайнее раздражение Урусова, овладевшее им в заседании указанной комиссии после итогового доклада ее председателя. Заключение Сергея Дмитриевича как представителя МВД было сделано тогда в довольно резкой форме. Главная мысль его выступления сводилась к тому, что «всякие ограничения свободы вероисповедания, принятые в отношении старообрядцев, противоречат соображениям государственной пользы и должны быть прекращены»⁴⁵. Кстати, единомышленником Урусова в этом вопросе выступил и сам

Дурново, который согласился, что преследовать старообрядцев «глупо и бесцельно». По просьбе Сергея Дмитриевича, он был освобожден от дальнейшего участия в комиссии гр. Игнатьева.

Разочаровавшись в своей министерской деятельности, в марте 1906 г. Урусов подал Витте прошение об отставке. Это был редкий в России случай добровольного ухода в отставку сановника столь высокого ранга. Сергей Дмитриевич отказался от назначенной ему пенсии и уехал в Москву, а затем в Перемышльский уезд, чтобы вскоре принять участие в выборах в первую Государственную Думу в качестве кандидата в депутаты. Выборы, которые в Калужской губернии прошли в марте 1906 г., стали наглядным свидетельством сочувствия в обществе тому умеренно-прогрессивному направлению в политике, выразителем которого был Урусов. Несмотря на напор кадетских агитаторов, особую поддержку калужан получил именно беспартийный князь, набравший наибольшее число голосов. По замечанию самого Сергея Дмитриевича, это произошло, главным образом, потому, что за него единодушно проголосовали выборщики от крестьян⁴⁶.

Что же касается краткого пребывания Урусова в правительстве в 1905 г., то уже в советское время незначительность возложенных на него задач в кабинете Витте в определенной мере оправдала в глазах новой власти его министерское «грехопадение» и способствовала восстановлению Урусова в гражданских правах в конце 1920-х гг.

В Первой Государственной думе

Яркая и, пожалуй, наиболее известная страница биографии Урусова связана с деятельностью первого российского парламента. Сергей Дмитриевич, кстати, оказался тогда единственным народным избранником из числа представителей высшей администрации. В Думе он вошел в состав аграрной комиссии, а также возглавил комиссию по разработке законов о гражданском равенстве. С его мнением считались депутаты, занимавшиеся разработкой проекта реформы местного управления (Г. Ф. Шершеневич, Ф. Ф. Кокошкин, председатель Московской губернской земской управы Ф. А. Головин, курский землец В. Е. Якушкин и др.) и нередко

проводившие свои собрания у него на квартире. С думской трибуны князь выступил лишь однажды, 8 июня 1906 г., но его страстная речь стала одним из наиболее ярких и значительных событий в истории I Думы. Тогда он резко отозвался о провокаторской деятельности чинов Департамента полиции, которые непосредственно в здании своего учреждения печатали прокламации погромного содержания. Толчком к выступлению Сергея Дмитриевича послужил ответ Столыпина на запрос Думы по этому же поводу. Негодование Урусова вызвало стремление нового руководителя МВД переложить всю ответственность за случившееся на своих предшественников и убедить депутатов в том, что при новом министре подобное уже невозможно. Сергей Дмитриевич подчеркнул: пока «на судьбу страны будут оказывать влияние люди, по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики», стоящие «за недостижимой оградой» и имеющие возможность «грубыми руками хвататься за отдельные части государственного механизма и изощрять свое политическое невежество опытами над живыми людьми, производя какие-то политические вивисекции»⁴⁷, новая министерская «команда» во главе со Столыпиным так же не застрахована ни от каких «сюрпризов».

По свидетельству современников, выступление Урусова, неоднократно прерывавшееся криками «браво» и громом аплодисментов, произвело в России эффект разорвавшейся бомбы и получило широкий международный резонанс. Как вспоминал Сергей Дмитриевич, последствия этой речи он ощущал до конца жизни, смотря по обстоятельствам, – то в виде «незаслуженных лавров», то в виде «несправедливых укоров» в собственный адрес. При этом Урусов подчеркивал, что, по сути, в его словах не содержалось никаких разоблачений, так как «всем все было известно», и факты, содержащиеся в запросе Думы, Столыпин публично признал. Что же касается действительных участников «разоблачения погромной деятельности Департамента полиции», то Урусов отмечал заметную роль в этом своего родственника (мужа сестры) – А. А. Лопухина, который возглавлял «прославившееся» ведомство в 1902 – марте 1905 гг. Примечательно, что спустя годы Сергей Дмитриевич раскаивался в том, что под воздействием эмоций, нахлынувших на него в зале думских заседаний, он «сказал несколько лишних слов, от которых с

удовольствием бы отказался»⁴⁸ – в частности, от «грубой» фразы о вахмистре и городовом (под первым подразумевался вел. кн. Николай Николаевич, а под вторым – Трепов).

Как известно, I Думе не удалось достичь взаимопонимания с правительством. Просуществовав всего 72 дня вместо отведенных по закону 5 лет, она была распущена указом царя от 9 июля 1906 г. Реакцией кадетских депутатов на действия верховной власти (кстати, вполне законные) стало подписание т.н. «выборгского воззвания» к населению с призывом к гражданскому неповиновению. Урусов оценил этот документ как «наскоро слаженный компромисс между конституционными и революционными партиями», явный отход депутатов от принципов легальной деятельности. «Я, вероятно, воздержался бы от подписи под воззванием, если бы присутствовал при его составлении», – вспоминал он. Сам же Урусов, находясь в полном неведении относительно выборгских событий, совершал в тот момент морскую прогулку в окрестностях Гельсингфорса в обществе депутата-калужанина, своего давнего хорошего знакомого В. П. Обнинского. Однако собственное положение после опубликования кадетского воззвания Урусов оценивал как двусмысленное: «Отсутствие моей подписи можно было бы впоследствии понимать двояко: как пропуск, вызванный причиной, от меня не зависевшей, а именно моим случайным отсутствием; или же, как доказательство моего несочувствия воззванию. Я мог бы пользоваться то одним, то другим аргументом, глядя по обстоятельствам»⁴⁹. После непродолжительных раздумий Урусов попросил В. Е. Якушкина присоединить и его фамилию к прочим подписям, объяснив, что поступает в данном случае «по старинному правилу», усвоенному им еще в гимназии, «запрещающему обособляться и уклоняться от ответственности за поступки, совершенные товарищеской массой». Следствием этого стало 3-х месячное пребывание Урусова в московской Таганской тюрьме (с 13 мая по 11 августа 1908 г.) и отстранение его по решению суда от государственной и общественной службы. Этот запрет действовал вплоть до Февральской революции. «Для меня последствия прикосновенности к воззванию выразились различно, – вспоминал Урусов. – Многие меня осуждали, сожалели, удивляясь моему легкомыслию... После 1917 г. я, благодаря своей судимости,

подвергся более слабым гонениям, нежели мои “одноклассники”, не имевшие ранее тюремного стажа»⁵⁰.

Около десяти последних предреволюционных лет Урусов в основном жил в своем имении. В эти годы он с увлечением занимался хозяйством, выступал со статьями в периодической печати, в том числе – в специальных изданиях («Жиздринский сельскохозяйственный листок» и др.). В 1912-1914 гг. Сергей Дмитриевич – председатель Комитета скотоводства и семенного дела в Московском обществе сельского хозяйства⁵¹. Вместе с тем, не прерывалась связь Сергея Дмитриевича с его единомышленниками в больших городах. В частности, бывая в Москве, он посещал собрания литературно-художественного кружка во главе с известным поэтом В. Я. Брюсовым, встречаясь там и с представителями интеллектуальной и политической элиты – Н. Д. Телешовым, Н. Н. Баженовым, А. И. Сумбатовым-Южиным, В. В. Вересаевым, Н. М. Кишкиным и др.⁵²

После вступления России в Первую мировую войну Урусов согласился выполнять обязанности уполномоченного (затем – председателя) Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского Союза городов⁵³. Члены его семьи также не остались в стороне от общей беды: дочь Софья работала в калужском земском госпитале, сын Дмитрий возглавлял группу местных земцев, занимавшуюся организацией питания беженцев⁵⁴.

1917 год: на очередном повороте

Как встретили в семье Урусова и он сам революционные события 1917 г.? На склоне лет, его дочь, Софья, которой в 1917 г. было всего 22 года, так характеризовала собственные настроения и своих друзей накануне свержения самодержавия: «Как мы относились к политике? Ведь это было время не очень успешной войны и на наших глазах совершалось правительством масса жестоких репрессий. Я не ошибусь, вероятно, если скажу, что у нас не было ясного представления в различии партий. Мы делили людей на две группы – на монархистов, которые нас возмущали, и на революционеров. Мы, все без исключения, надеялись на свержение глупого и жестокого царя, все считали

монархический образ правления анахронизмом, все надеялись пережить революцию, приближение которой чувствовалось, и ожидали, что у нас организуется республика с народным управлением. Подробностей, как это будет, кто это сделает и по какой программе – мы просто не представляли себе. Было плохо – “хуже нельзя”, как тогда говорили, и должно было стать лучше». Как известно, весть об отречении Николая II многими в стране было встречена с воодушевлением. «Люди сияли, поздравляли друг друга, играла музыка... И вообще было ощущение большого праздника»⁵⁵, – описывала Софья Сергеевна обстановку тех дней в Москве.

В марте 1917 г. телеграммой Временного правительства от имени князя Г. Е. Львова Урусов был вызван из своего калужского имения в Петроград и назначен товарищем министра внутренних дел – сверх штата, без содержания. По пути в столицу Сергей Дмитриевич навестил в Москве свою семью. «Он был полон надежд на будущее, – вспоминала дочь. – Летом мы с мамой приезжали к папе в Петроград. Тогда уже чувствовалось недостаточное единomyслие и компетентность Временного правительства в организации новой жизни страны. В этот период мне довелось один раз слышать выступление Ленина с балкона дворца Кшесинской. Речь его произвела сильное впечатление своею простотой и убежденностью. Казалось, что он и его партия знают, что и как нужно делать»⁵⁶. Что касается Урусова, то и его радостно-приподнятое настроение в связи со сменой власти также быстро сменилось разочарованием. Он понял, что и у Временного правительства нет будущего. Вместе с тем, порученное ему составление проекта «Положения о милиции» Сергей Дмитриевич выполнил. Документ был утвержден и опубликован⁵⁷, после чего в начале июля 1917 г., в дни провозглашения диктатуры А. Ф. Керенского, Урусов вновь принял решение о добровольной отставке и возвратился в свое имение. Уже тогда «чувствовалось, что прежней жизни и самой Расве, как нашей собственности, приходит конец», – свидетельствовала Софья Сергеевна. По ее словам, предвидя голод, родители запасали топленое масло и муку, готовили к отправке в Москву сундуки с расвянским «добром»⁵⁸.

Этим знаменитым сундукам дочь Урусова уделила в своих воспоминаниях особое место. В них, писала она, «более сотни лет накапливались всякие вещи: старые

бабушкины ротонды из настоящего бархата на собольем меху и суконные – на суксах и куницах, какие-то громадные юбки на кринолинах из чудесных старинных шелков, различные кружевные мантильи и оборки из настоящих кружев... Наши сундуки могли бы служить пособием к истории костюма. Из них мы черпали наряды для костюмированных балов»⁵⁹. Кроме того, частично эти вещи использовались в хозяйстве, особенно когда подросли дети, и на то, чтобы купить что-то новое из одежды, денег не всегда хватало. «Я помню, перед самой революцией я откопала в Расве в сундуке лакейскую ливрею с большой пелериной из такого добротного темно-синего сукна, какого и в наше время купить было трудно, а теперь-то и во сне не увидишь, – писала Софья Сергеевна в 1960-е гг. – После чистки материя была как новая и я лет пять носила из нее английский костюм и потом перешила что-то девочкам (своим племянницам. – Н.Х.) ... Из бабушкиной собольей ротонды мне и Вере мама заказала по палантину и муфте, которые мы надеть так и не успели, а после революции они у нас были отобраны с уплатой за них трех тысяч (десяток огурцов стоил 2 тысячи)».

Кроме одежды в сундуках хранились и другие предметы старины, в том числе серебряные кубки времен «чуть ли не Ивана Грозного», а также три табакерки – дар Екатерины II калужскому наместнику М. Н. Кречетникову, предку жены Урусова. «К “сундукам” можно отнести и накопление различной посуды... Были и столовые, и чайные сервизы ... в разное время и разными людьми купленные и подаренные ... Было множество отдельных чашек, некоторые из которых были очень ценными... Между прочим, – добавляла Софья Сергеевна, – когда я была в гончаровском Полотняном Заводе в годы Первой мировой войны, в громадном застекленном буфете столовой я увидела точно такой, как у нас, сервиз императорского фарфора времен Екатерины, с вензелем, крышками, украшенными фарфоровыми лимонами, и плетеными краями у тарелок. Такой же есть теперь в Останкине или Кускове». Дочь Урусова обращала особое внимание на следующий момент. «Все это имущество, с нашей теперешней точки зрения, можно, вероятно, рассматривать как “богатство”, – писала она, – но тогда и в голову не приходило все это реализовать». Это были семейные реликвии, которые выходили «на свет Божий» в особо торжественные дни,

в остальное же время бережно хранились в специальных кладовых. А расставались с ними лишь в исключительных случаях. Так, например, средства, вырученные в разное время от продажи упомянутых табакерок, окупили крайне необходимое лечение за границей супруги и детей Урусова. «Без них все эти поездки вряд ли были бы нам по карману», – констатировала Софья Сергеевна⁶⁰.

В конце лета 1917 г. все это «добро» было уложено в сундуки, которые стали дожидаться отправки в Москву. Однако не в характере Сергея Дмитриевича было замыкаться в скорлупу частных интересов, тем более в такое тревожное для страны время. В тот период он несколько раз отлучался из Расвы в Москву, где в августе-октябре 1917 г. участвовал в совещаниях общественных деятелей.

Инициатива организаторов этих собраний (председатель – М. В. Родзянко; его товарищи – князя Е. Н. Трубецкой и П. Д. Долгоруков, а также С. И. Четвериков, А. А. Евдокимов и др.) нашла отклик не только в интеллигентских кругах. Среди участников совещаний были представители армии (в том числе генералы А. А. Брусилов, Н. В. Рузский), православного и старообрядческого духовенства, кооперации, мещанства, ремесленников, рабочих и крестьян. Нам неизвестно, выступал ли там Урусов – во всяком случае, в достаточно подробных газетных отчетах его имя не упоминается. Тем не менее, очевидно, что основной настрой ораторов был близок и Сергею Дмитриевичу. «Россия с головокружительной быстротой несется в пропасть... Страну губит растущая волна анархии... ее губят равнодушие, апатия, разрозненность и растерянность большинства... Над этой полуразнузданной, полупарализованной страной мы видим безвластное, нерешительное правительство», – такая оценка ситуации в России звучала во всех выступлениях.

Вместе с тем, общий тон речей на совещаниях был все-таки оптимистический. «Нет оснований признавать положение страны безнадежным, нет оснований утверждать, что уже поздно спасти ее. Дружными, общими усилиями она будет спасена!» – эти слова Родзянко выражали общее воодушевленное, приподнято-боевое настроение участников совещаний. «Наше высшее желание – демократическая Россия, свободная, самоуправляющаяся и самодеятельная», – подчеркивал А. С. Белоруссов. – В резолюции, принятой 13 октября, было записано:

«Московское совещание полагает, что остановить государственный развал может только, во-первых, решительная борьба с анархией во всех ее проявлениях, на путь которой правительство обязано, наконец, вступить, а, во-вторых, самодеятельность государственно- и национально-мыслящей части народа, объединенной преданностью великой национальной идее, демократическим началам новой свободной России и признанием необходимости широких социальных реформ». В итоговом документе особо подчеркивалось главное условие спасения страны: «национальная демократия России должна быть организована ... в форме объединения или союза, связующего как целые партии и группы, так и отдельных граждан, разделяющих постановления первого и второго московских совещаний. Объединение это не преследует никаких классовых или партийных интересов; оно не посягает на независимость и внутреннюю самостоятельность организаций, в него входящих». Своей ближайшей задачей участники совещаний считали проведение собственных представителей – «защитников права и порядка», «приверженцев идеи национального объединения и сотрудничества» – в предпарламент и Учредительное собрание.

Совершенно однозначную и определенную позицию заняли они и по другому ключевому вопросу российской жизни – о войне и мире: «общественное сознание исключает самую мысль об измене нашим союзникам и о сепаратном мире. Такой мир явился бы тягчайшим ударом по нашей национальной чести и достоинству и пагубно отразился бы на всем будущем России»⁶¹.

Прощание с прошлой жизнью

В конце октября 1917 г., вскоре после прихода к власти в Петрограде большевиков, Урусов, обеспокоенный судьбой своей семьи, принял решение переселиться из Калуги в Москву. Это произошло в начале ноября, в дни московского восстания, организованного большевиками и закончившегося взятием ими Кремля. Свидетельницей боев на московских улицах, которые позднее описывались в советских учебниках истории как необыкновенно ожесточенные и кровопролитные, стала дочь Урусова. Спустя годы он делилась своими размышлениями по этому

поводу: «Я не могу судить о Петроградском перевороте, но то, что пишут и показывают о Москве, безусловно, преувеличено. Кто шел против большевиков в Москве? – Говорят, что юнкера. А что это такое? Та же молодежь, что и мы, давно потерявшая веру в так называемого “православного, самодержавного” и т.д. Я слышала впоследствии рассказы от многих, как в корпусах и в юнкерских училищах офицеры с рассветом поднимали учеников и вели – а куда, они, то есть ученики, и сами не знали: идут ли они за революцию или против... Мне рассказывал один бывший ученик юнкерского кавалерийского училища, как повели их, привели к Кремлю и в Кремль ввели, и как перед ними оказался выстроенный полк солдат, а на балконе дворца – генерал. И генерал этот дал приказ в пришедших мальчиков стрелять, но ни одного выстрела не последовало. Генерал кинулся головой вниз на камни, а мальчики-юнкера стали целоваться с солдатами. Это бывший юнкер рассказывал мне вышеописанное, будучи уже буденновским командиром. Да я и сама видела из окна нашей квартиры кучки мальчишек, которые с ружьями бегали по улицам, останавливаясь у каждого угла и ожидая встречи с “врагом”. Как легко они бросали оружие и отдавались на милость этого так называемого врага»⁶². «Я под выстрелами кое-как выбирался из квартиры, чтобы достать продукты для своих..., – вспоминал сам Урусов о тех событиях, – и в первые дни даже не знал, кто с кем дерется»⁶³. А тем временем костер гражданской войны разгорался все сильнее. В 1918 г. сформировались основные центры антибольшевистского движения (в Москве, Петрограде, Восточной Сибири, на юге России - Дону и Кубани, Южном Урале и Северном Кавказе), началась иностранная интервенция. «Папа стал очень нервен за последнее время, по-видимому всякие планы не осуществились и у всех полный упадок нравственных сил и [душевных?], - сообщала жена Сергея Дмитриевича дочери в письме из Москвы в разгар антибольшевистского восстания в Ярославле (6 – 21 июля 1918 г.), организованного эсерами во главе с Б.В.Савинковым. - Папа мечтал уехать на несколько дней в Ярославль, - но там сейчас идут бои, кто кого бьет понять трудно, известно, что Советы все расстреляны, но, конечно, это только на несколько дней, как в Тамбове, так как туда уже отправлены карательные латышские отряды и евреи комиссары. Но Ярославль весь в огне, старинный Гостиный двор

горит, Спасский монастырь и Демидовский лицей расстреляны, и папу это очень огорчает, ведь ты знаешь, как он любит Ярославль»⁶⁴.

Впоследствии, по словам Софьи Сергеевны Урусовой, отец называл октябрьский переворот «величайшим экспериментом в мире», полагая, что «в деле революции это вполне закономерно»⁶⁵. Кстати, ощущение надвигающейся катастрофы было у него уже давно. Еще весной 1908 г., как-то в разговоре с дочерью, Урусов заметил: «Думается мне, что у нас будет революция и будет скоро»⁶⁶.

Вскоре после прихода к власти большевиков Сергей Дмитриевич устроился бухгалтером-инструктором в кооперативное товарищество «Технопомощь», связанное с сельским хозяйством, и продолжал, по словам С.С. Урусовой, «мудро ждать текущих событий»⁶⁷. Однако мирно «вписаться» в новую жизнь князю не удалось. В результате национализации банков Урусовы потеряли все свои накопления, в том числе – 25 тысяч рублей в процентных бумагах, которые хранились в сейфах московского Международного банка⁶⁸. Заодно новая власть лишила Урусова всех гражданских прав на том основании, что в 1903-1904 гг. он занимал должность губернатора.

В ноябре 1917 г. Урусовы как бывшие помещики утратили право собственности на имение Расва. К тому времени там жила дочь Сергея Дмитриевича – Вера со своим четырехлетним ребенком. Помимо хлопот по хозяйству, она по мере сил продолжала оказывать врачебную помощь крестьянам. Однако поскольку расвянская больница «была организована частным образом и содержалась на наши средства, – замечает С. С. Урусова, – то, естественно, когда средств не стало, то и больница перестала существовать». Положение Веры в деревне, «которая бурлила и у которой чесались руки на помещичью землю и на помещичий скарб», с каждым днем становилось все опаснее. «В целостности и благополучии ее, вероятно, сыграла некоторую роль много лет содержавшаяся на наши средства больница, нуждаемость в которой и надежда, что ее удастся вновь открыть, и заставила крестьян щадить нашу семью», – предполагала Софья Сергеевна. По приезде в Расву мужа Веры, хирурга Алексея Максимовича Фадеева, восемь ближних деревень, «образовавших в то время кооперативное общество, обратились к нему с просьбой открыть больницу,

беря на себя содержание врача, фельдшерицы и какой-нибудь подсобной единицы не деньгами, а продуктами питания. Он взялся за это дело, а Вера стала работать за фельдшерицу»⁶⁹, – вспоминала С.С. Урусова, вскоре и сама перебравшаяся в деревню, чтобы помочь сестре, у которой в 1918 г. родилась вторая дочь. События же во вне оптимизма не прибавляли. Напротив, по замечанию Софьи Сергеевны, «жизнь деревни постепенно шла на убыль».

В период Гражданской войны в Расве и ее окрестностях был расквартирован красноармейский кавалерийский полк, командир которого («громادного роста татарин Бек Кцоев») поселился во флигеле усадебного дома Урусовых. «Нас это очень устраивало, – вспоминала Софья Сергеевна, – так как командир, живя у нас, топил весь флигель, что было одной из труднейших проблем. Этот симпатичный и добрый человек сначала к нам приглядывался, мало общаясь. Но, разглядев нас, как следует, видимо, одобрил, подружился, особенно со мною, и всячески старался нам помочь. Помощь красноармейского командира не ограничилась дровами, он снабжал нас и сеном для коровы (в которой была вся наша жизнь), а потом стал еженедельно выдавать для Кати (младшей племянницы Софьи Сергеевны. – *Н.Х.*) сухой паек, состоявший из пакетиков сахара, крупы, муки и даже кусочков мыла и масла... На столе у нас часто появлялся приличный мясной суп, и кухарка Дуняша объявляла: «Сегодня суп на офицерских костях». Командир все соблазнял меня покататься верхом, но для этого ни минуты у меня не было. На нашу беду полк стоял у нас недолго. К весне его перевели. Уезжая, они оставили мне порядочно дров и прекрасную пилу. Бек Кцоев потом несколько раз писал и даже прислал посылку с мукой и с сахаром, позже до меня дошли слухи, что он погиб в боях гражданской войны».

Следующая зима 1919-1920 гг., по словам С. С. Урусовой, была гораздо труднее: «Алексея Максимовича отозвали в район для участия в комиссии по отбору новобранцев. Он пробыл в отсутствии 3 месяца... Наши крестьяне привыкли к высококвалифицированной медработе Алексея Максимовича... не были уверены, что он вернется. Пищевые пайки без него нам значительно урезали. В общем, было голодно, холодно и очень страшно». В мае 1920 г. в главном расвянском доме

поселился новый жилец – присланный из района человек, назначенный директором совхоза, который, по решению властей, должен был образоваться из бывшего хозяйства Урусовых. Окончательно домочадцы Сергея Дмитриевича покинули имение и перебрались в Москву осенью 1920 г. «Новый хозяин совхоза предложил нам очень любезно взять несколько ящиков яблок», – с грустной иронией замечала дочь Урусова, Софья. Так сложилось, что основные хлопоты по переезду легли именно на нее. Несмотря на принятое в семье решение ограничиться самыми необходимыми вещами, все же набралось «восемь сундуков с дорогой посудой, подушки и вообще немало путного»⁷⁰. Часть же предметов из домашнего хозяйства обменяли на муку и картофель, поскольку деньги в ту пору фактически ничего не стоили.

«С деревней я договорилась, что они дадут подводы из дома в Расве до вокзала в Калуге и погрузят вещи в поезд, – вспоминала С. С. Урусова. – Прощались с нами тепло, за подводы оплаты брать не хотели, и когда я давала им предметы обстановки – диван, или комод или зеркало, утюг, корыто и т.п. или самовар, то говорили “берем не в плату, а в подарок на память”». Главная трудность в истории с переездом заключалась в том, чтобы привезти вещи на вокзал точно к поезду и сразу же погрузить их в вагон, поскольку «хранить вещи на вокзале было негде, да и грузить некому». Однако здесь не обошлось без сюрприза, угрожавшего сорвать все дело. На всю жизнь запомнила дочь Урусова обстоятельства того вечера: «уже в темноте я вернулась из Калуги домой и, войдя, почувствовала, что в нашей темной кухне собралось много народа. Это были те крестьяне, которые собирались меня перевозить. Они с волнением сказали, что ехать надо не позже завтрашнего утра, так как они перехватили гонца из района, который вез распоряжение в сельсовет всем деревням дать подводы послезавтра утром (то есть именно когда они мне были нужны) в лес за дровами. Начали мы держать совет, как нам быть? Староста Андрей Дымов решил гонца напоить и продержат его пьяным следующий день до вечера. Ночью присылать вызова из сельсовета не будут, а утром мы уже уедем. Так и решили. Даже и теперь, вспоминая, я волнуюсь, а как я пережила тот день? Ко мне изредка из деревни прибегали мальчишки, сообщая “спит” или “опять пьют”. День, наконец, прошел и ночь тоже. Чуть забрезжил рассвет, к нашему дому подъехало 12

подвод и чуть ли не вся деревня нас грузила»⁷¹. И только в поезде можно было, наконец-то, спокойно вздохнуть и, перекусив своей гусятиной («в которой костей было больше, чем мяса») «с прибавкой» пирожков с яблоками из черной муки и морковного чая, дожидаться прибытия в Москву, где, по словам Софьи Сергеевны, жизнь Урусовых тогда начала понемногу налаживаться. Весомую роль в этом сыграло, конечно, и содержимое расвянских сундуков, благодаря которому семья относительно сытно жила несколько тяжелых лет разрухи.

1918-1919 годы: начало тюремных скитаний

Главным событием для домочадцев Сергея Дмитриевича незадолго до их воссоединения в московской квартире стало освобождение главы семейства из тюрьмы летом 1920 г. В общей сложности к этому времени Урусов провел в заключении уже около 10 месяцев. Начало же выяснения отношений новой власти с бывшим князем и губернатором относится к 1918 г., когда он был помещен в Бутырскую тюрьму на 3½ месяца по причинам, так и оставшимся ему неизвестными⁷². В октябре 1918 г. (видимо, вскоре после освобождения Урусова) жена Сергея Дмитриевича, приехавшая к нему в Москву из Калуги, сообщала в письме дочери: «Папу нашла в плохом виде, так исхудал, что страшно смотреть, и нравственно его совершенно измучили. Надеюсь, что мне удастся привести его опять в покойное состояние»⁷³.

В ночь с 29 на 30 августа 1919 г., по ордеру московской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, в квартире Урусова в Обуховском переулке был произведен очередной обыск, в результате которого Сергей Дмитриевич был вновь арестован и отправлен в Бутырку. Характерна краткая запись-отчет, сделанная сотрудником МЧК по горячим следам собственноручно на половинке тетрадного листа в линейку, простым карандашом, неровным почерком (воспроизводим в подлинной орфографии): «Доклад мною. Комиссаром С. Баулихиным Была осмотра квартира г. Урусова забрана вся переписка кроме ничего в квартире небрато 1 шкаф скнигами опечатан»⁷⁴.

По поводу массовых арестов представителей московской интеллигенции в ту злополучную ночь сам Сергей Дмитриевич вспоминал в начале 1930-х гг.: «Говорили в то время, что эта мера была вызвана успехами “белых” войск и намерением московского правительства заручиться на всякий случай заложниками. Как бы то ни было, утром 30-го августа в Бутырской тюрьме собралась толпа москвичей-профессоров, врачей, присяжных поверенных и бывших членов Государственных Дум, а также городских и земских собраний, для которых было предварительно приготовлено несколько больших тюремных камер. Я попал в число сотни лиц, размещенных в 4-х камерах, выходявших в общий коридор и составлявших отдельный тюремный участок.

Из числа 24-х моих товарищей несколько человек были мне знакомы, с прочими я скоро познакомился и мы зажили обычной в то время тюремной жизнью... Я приведу здесь только один характерный факт, показывающий уровень, на котором находилось в то время делопроизводство ведавшего нами следственного аппарата. В число двадцати пяти интеллигентов нашей камеры каким-то образом попал уборщик Николаевской железной дороги, неграмотный крестьянин, носивший одинаковую фамилию с одним инженером путей сообщения, давно покинувшим Москву. Его неоднократно, в числе прочих, водили на допрос и он каждый раз возвращался в камеру все в большем недоумении и наконец перестал совершенно понимать окружающие его события. Любопытно, что в порядке постепенно следовавших освобождений он занял чуть ли не последнее место»⁷⁵.

Сергей Дмитриевич свидетельствовал, что на допросах его спрашивали «о принадлежности к партии к[онституционных] д[емократов]», в которой он никогда не состоял, и вообще «о прошлой деятельности..., о судимости»⁷⁶. В сохранившихся следственных материалах того периода зафиксированы, в частности, подозрения властей, вызванные непродолжительным пребыванием Урусова в составе Временного правительства. Сергей Дмитриевич категорично заявил, что с членами этого правительства, – не имевшего «определенной физиономии» и «не представлявшего государственной власти», – он «вообще ничего общего не имел» и на момент ареста никаких связей не поддерживал. Что же касается отношения к

советской власти, то на допросе 3 сентября 1919 г. Урусов одобрительно отозвался о ее внешней политике. Чекист, протоколировавший допрос, мысль арестованного зафиксировал следующим незамысловатым образом: «Моя мнение о внешней политике Советской Правительства что она правилна. Каждая правительства должна защищать от иноземных посягательствах всю государство».

В то же время, Урусов весьма критически оценил политику большевиков внутри страны, указав, в частности, на экономическую разруху. Надо не только прекратить разгул спекуляции, но и установить (не на словах, а на деле!) гражданское равноправие, – таков был его главный «счет» новой власти. В том же духе он отвечал на вопрос о своих политических убеждениях и на последующих допросах. Сергей Дмитриевич отказался быть зачисленным в состав стоящих «на платформе Советской власти»; по его настоянию в соответствующую графу внесли исправление, в результате чего рядом с зачеркнутой строчкой появились слова: «демократический строй России»⁷⁷.

Можно только строить догадки о причинах, которые вскоре заставили Урусова несколько изменить свою позицию – в протоколе его очередного допроса в графе о политических убеждениях читаем: «Советскую власть считаю лучше предшествовавших». Тогда же появляется и «Заключение» следователя Рапопорта, который после изучения материалов, отобранных при обыске, и личной беседы с Урусовым не обнаружил в его взглядах и деятельности никакого «компромата»: «признает Советскую власть». «За что я арестован, я не знаю... я желал бы знать, почему я сижу без всякого обвинения», – сделал приписку Урусов к одному из протоколов⁷⁸.

Тем временем к хлопотам о его освобождении, помимо жены, подключились и довольно влиятельные люди. Судя по сохранившимся документам, главным инициатором вызволения князя из заточения стал член Комитета по борьбе с антисемитизмом при наркомате просвещения, редактор журнала «Свободное воспитание» И. И. Горбунов-Посадов. Сохранилось его письмо от 18 сентября 1919 г., адресованное управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу (который также являлся членом этого Комитета), «с просьбой об энергичном, если можно, содействии к

скорейшему освобождению арестованного уважаемого С. Д. Урусова, которому беспощадно гонимое при царизме еврейство так бесконечно [благодарно?] за его известные выступления в защиту травимых евреев и за которого поэтому мы, члены Комитета, думается мне, единодушно [должны] поднять наш голос». Отмечая вообще такую характерную черту управленческого стиля Урусова, как «предоставление населению самой широкой самодеятельности и наивозможное ограничение административного властительства», Горбунов-Посадов особо остановился на губернаторской деятельности Сергея Дмитриевича в Бессарабии вскоре после кишиневского погрома. «С. Д. Урусов употребил все усилия для того, чтобы не только предотвратить возможность подобных ужасов, но и для того, чтобы вообще создать человеческие условия жизни для всего еврейского населения, измученного притеснениями, – напоминал автор письма... – Бессарабию С. Д. Урусов покинул, благословляемый еврейским населением... Достаточно сказать, что портрет его, губернатора, висит в той еврейской больнице, где лежали жертвы погрома, учиненного при содействии его предшественников».

Ходатай счел необходимым напомнить о других событиях в жизни Сергея Дмитриевича, которые также свидетельствовали о нем как «о защитнике угнетенных при царизме», «высвечивали» его оппозиционную деятельность. Это – и беспрецедентная добровольная отставка Урусова весной 1906 г. с поста товарища министра внутренних дел после того, как он убедился «в лживости нового правительства»; и его знаменитое выступление в заседании I Государственной Думы; и две дореволюционные судимости – за причастность к подписанию «Выборгского воззвания» и публикацию «интересной и глубоко поучительной книги» «Записки губернатора». Стремясь снять даже тень подозрений со своего подзащитного, Горбунов-Посадов особо подчеркнул, что после прекращения деятельности во Временном правительстве Урусов «никакого участия в политической жизни не принимал».

Далее Горбунов-Посадов поделился с Бонч-Бруевичем своими соображениями о причинах ареста князя: «Может быть, ввиду давнего исчезновения Партии демократических реформ, фамилии ее членов были унаследованы какими-нибудь

кадетскими списками, и Урусов попал в тюрьму при последних массовых арестах кадет за нахождение его имени в каком-нибудь таком списке? Может быть...» Тем не менее, настаивал он, все упомянутое говорит об Урусове, «как о человеке, за которого нашему Комитету следовало бы горячо вступиться. Мало того, я полагаю (и пишу об этом тов. А. В. Луначарскому), что этого деятеля как в высшей степени [компетентного?] полезно было бы привлечь к работе нашего Комитета в качества консультанта, так глубоко и вдумчиво и практически знакомого с всею сутью и изнанкой вопроса о погромах. Но, разумеется, об этом возможно окончательно говорить будет тогда, когда Урусов будет освобожден из тюрьмы, к чему желательно Комитету приложить все усилия содействия пред теми, от кого это зависит. Урусову уже под 60 лет. Страдает тяжелою хроническою болезнью – расхождением легких, бронхиальною астмою, склерозом, что, в совокупности, вызывает порою явления, угрожающие смертным концом и поэтому сиденье его в тюрьме так для него тяжело и опасно. Надеюсь, все сказанное мною об Урусове говорит о том, насколько такой человек заслуживает немедленного освобождения».

В заключение Горбунов-Посадов посчитал уместным обратить внимание и на тот факт, что жена Сергея Дмитриевича, урожденная Лаврова, приходится двоюродной внучкой крупному деятелю социалистического движения, одному из идеологов народничества Петру Лавровичу Лаврову. «Освободив Урусова, Советское правительство оказало бы уважение в ее лице семье П. Л. Лаврова. Я не говорю уже, насколько работа Урусова нужна сейчас для поддержки его семьи, не имеющей в настоящее время никаких средств», – таковы были последние решительные аргументы автора письма⁷⁹. 26 сентября ходатайство об Урусове на имя председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского (копия – председателю Совнаркома В. И. Ленину) отправил и сам А. В. Луначарский, нарком просвещения и заместитель председателя упомянутого Комитета. В этом письме Сергей Дмитриевич тоже характеризовался как «редкий знаток в вопросах антисемитизма», который мог бы принести немалую пользу в качестве эксперта по этой проблеме. Нарком выражал абсолютную уверенность в том, что и председатель Комитета Максим Горький без колебаний присоединился бы к просьбе об освобождении «этого редкого среди

крупных чиновников человека»: «Таких либералов, благородных в лучшем смысле слова ... имевших в свое время мужество, жертвуя и своей карьерой, и благополучием, выступать в защиту угнетенных ... следовало бы тревожить арестами лишь при совершенно несомненных указаниях на их контрреволюционную деятельность»⁸⁰.

Судя по документам, и Луначарский, и Бонч-Бруевич не раз связывались по этому вопросу со следственным отделом ВЧК, чем поставили его сотрудников в довольно затруднительное положение. Дело в том, что серьезной проблемой для чекистов оказалось ... установить местонахождение Сергея Дмитриевича. Отвечая на их неоднократные телефонные запросы по этому поводу, Бонч-Бруевич в специальном письме от 10 октября, адресованном в Президиум ВЧК, был вынужден сообщить точные «координаты» арестованного: Бутырская тюрьма, камера № 4, коридор № 30⁸¹. 16 октября 1919 г. Горбунов-Посадов дополнительно проинформировал Бонч-Бруевича о том, как продвигается расследование интересующих их обоих дела. Он сообщил, что Сергей Дмитриевич «имел допрос, на котором выяснилась полная непричастность его к какой-либо даже тени контрреволюции и т. под., и ему не предъявлено никаких обвинений. Можно было ожидать немедленного его выпуска. Между тем, прошло две недели целых, а его не только все еще не выпускают, но из прежней политической камеры перевели в общую камеру с уголовными, где ему угрожает страшная опасность заразы, потому что камера полна вшами, и в белье его, переданном домой для стирки, оказалось уже множество вшей. Горячо прошу Вас, если возможно, употребить все усилия для его немедленного освобождения. Или же, в крайнем случае, принять все меры для перевода его в тюремную больницу ввиду его расстроенного здоровья, [о чем] уже неоднократно упоминалось в моих просьбах и о котором имеется медицинское свидетельство профессора Плетнева при его деле, находящееся у Л. Б. Каменева. Иначе может получиться крайне тяжелый для его здоровья оборот вещей. И тюрьма окажется для него роковой опасностью»⁸².

Осознавая всю серьезность ситуации, Бонч-Бруевич 18 октября 1919 г. отправил на Лубянку очередное ходатайство об Урусове. Ссылаясь на сообщение жены своего

«подзащитного», которая была у него на приеме, Бонч-Бруевич обращал особое внимание на то, что Урусов «очень сильно болен». «Я полагаю, – заключал управделами СНК, – что на дело Урусова вообще необходимо обратить внимание, так как повторяю, что этот деятель старого режима исключительно выделялся из всех других своей порядочностью, прямою заявлением и раскрытием преступления старого режима, за что жестоко пострадал от царского правительства, будучи лишен и своего места, и звания, и чинов... Думаю, что такой человек, несомненно принесящий пользу России, мог бы быть на свободе, если за ним не числится каких-либо особых дел, связанных с современным положением вещей»⁸³. 10 октября 1919 г. Урусов сам обратился с просьбой о «выяснении дела и скорейшем его окончании» в московский комитет Политического Красного Креста (ПКК) – общественную организацию, оказывавшую помощь политическим заключенным. «Полагаю, что нет ни сущности, ни дела, но только хаотическое делопроизводство», – делился своими тюремными впечатлениями Сергей Дмитриевич. Реакцией на его обращение стало заявление ПКК от 25 октября 1919 г., направленное в президиум МЧК. Оно содержало просьбу о переводе «тяжело больного» Урусова «из тюрьмы в Бутырскую больницу»⁸⁴.

Несмотря на все эти ходатайства, Сергей Дмитриевич провел в Бутырке три с половиной месяца (без предъявления обвинения) и был освобожден только 15 декабря 1919 г.⁸⁵. В конце этого же месяца (27-го числа) его призвали на военную службу, направив в качестве бухгалтера в Строевое управление при штабе Морских сил республики⁸⁶. Новое место работы находилось неподалеку от его дома – «за спиной Музея им. Пушкина на Волхонке». По свидетельству дочери Урусова, справедливо предполагавшей непосредственное участие в судьбе отца самого Дзержинского, на новой службе ему был назначен «приличный паек»⁸⁷.

Свой вклад в укрепление материального положения семьи начал вносить и сын Сергея Дмитриевича – Дмитрий. Он с детства был страстным любителем лошадей, вникал во все тонкости обхождения с ними и не представлял себе другого занятия, кроме коневодства. Уступив настойчивым уговорам отца, в 1900 г. он поступил на юридический факультет Московского университета, однако, проучившись там четыре года, диплома так и не получил. В 1911-1913 гг. Урусов-младший уже по собственной

инициативе прошел курс наук на естественном отделении университета им. Шанявского. Сложилось так, что именно сельскохозяйственная специализация Сергея Дмитриевича и его сына во многом помогла семье выжить. Как известно, несмотря на острую внутривнутрипартийную полемику по вопросу об использовании «буржуазных» (беспартийных) специалистов, в итоге возобладала точка зрения В. И. Ленина, указавшего на необходимость привлечения данной категории работников к «социалистическому строительству». О необходимости использования их теоретических знаний и практического опыта говорилось в ряде постановлений СНК: «Об учете и мобилизации технических сил» (декабрь 1918 г.), «Об учете и мобилизации специалистов сельского хозяйства» (январь 1919 г.) и др. По словам современного исследователя А. С. Соколова, «причина сотрудничества власти и беспартийных специалистов имела двоякий характер: с одной стороны, это объяснялось острым недостатком у правительства своих кадров, с другой, – тем, что для большинства интеллигенции служба представлялась единственным выходом в тот период: удостоверение советского служащего было политическим средством защиты для интеллигента, не принадлежащего к коммунистической партии»⁸⁸. Как вспоминал бывший чиновник министерства финансов М. Я. Ларсонс, «никто не хотел умирать с голоду, никто не хотел быть причисленным к “паразитарным” слоям населения, к нетрудовому элементу»⁸⁹.

В послеоктябрьские годы 30-летний Дмитрий Урусов работал старшим конюхом в конном хозяйстве «Березки» неподалеку от Москвы («по Николаевской дороге, близ станции «Подсолнечное»), где были собраны лошади из частных конных заводов, которых после соответствующей подготовки отправляли в Красную армию. Как и отец, Дмитрий уже в 1918 г. вплотную познакомился с карательной системой новой власти: его дважды отправляли за решетку, причем без предъявления какого-либо обвинения. Тем не менее, новый – 1920-й – год семья Урусовых встречала в полном составе и с надеждой смотрела в будущее.

На процессе по делу «Тактического центра»

Но 13 февраля 1920 г. в квартире Сергея Дмитриевича был вновь произведен обыск. Согласно ордеру, выданному Особым отделом ВЧК, на этот раз аресту подлежали оба Урусовых – и отец, и сын. Правда, за решетку был отправлен только глава семейства, поскольку, как объяснили домашние представителям властей, Дмитрий Сергеевич по делам службы находился в Подмоскowie. Волею судьбы на протяжении 1920-х гг. сын Урусова арестам больше не подвергался. Известно, что в 1920-1924 гг. он служил агрономом на московской областной сельскохозяйственной опытной станции, в июне-ноябре 1924 г. работал секретарем в Заборьевском сельскохозяйственном кредитном кооперативном товариществе, а затем перешел в московский Губернский союз семенных и огородных товариществ. Что касается Урусова-старшего, то ему было предъявлено обвинение в принадлежности к таким «контрреволюционным» организациям, как Союз земельных собственников и Совет общественных деятелей (СОД), входившим в так называемый Тактический центр⁹⁰.

Как известно, Совет общественных деятелей был образован в Москве в октябре 1917 г. как центр организации оппозиционных большевизму общественных сил во главе с Д. М. Щепкиным и С. М. Леонтьевым. В феврале-марте 1918 г., наряду с Торгово-промышленным комитетом, Союзом земельных собственников, а также отдельными представителями кадетской партии и правомонархических организаций, СОД вошел в состав еще одного надпартийного объединения – так называемого Правого центра. В мае-июне 1918 г., в результате разногласий между членами Правого центра, были созданы две автономные организации: Всероссийский Национальный Центр (ВНЦ; его ядро составили члены ЦК партии кадетов Н. И. Астров, В. А. Степанов и Н. Н. Щепкин, а также видные общественные и политические деятели Д.Н. Шипов, М. М. Федоров, П. Б. Струве, А. А. Червен-Водали) и Союз возрождения России. Что же касается Правого центра, то в конце июля – начале августа 1918 г. он прекратил существование. В феврале-марте 1919 г. состоялось несколько совместных совещаний представителей ВНЦ, Союза возрождения и СОД, на которых обсуждался вопрос об объединении усилий с целью выработки общих подходов к решению неотложных вопросов государственного строительства. В результате в апреле 1919 г. возник так называемый Тактический центр в составе

шести представителей от ВНЦ, Союза возрождения и СОД; это были Н. Н. Щепкин, О. П. Герасимов, С. П. Мельгунов, кн. С. Е. Трубецкой, Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев. Вновь созданная организация поддерживала связи с региональными отделениями ВНЦ, представителями А. В. Колчака, А. И. Деникина, Н. Н. Юденича, союзного командования, нелегальными военными организациями в Москве и Петрограде, а также с резидентом английской секретной службы «Интеллидженс сервис» Полем Дюксом. Московское и петроградское отделения ВНЦ снабжали Добровольческую армию военно-оперативными сведениями о состоянии и планах Красной армии, оказывали финансовую поддержку военным нелегалам обеих столиц.

Естественно, что именно эта сторона деятельности ВНЦ оказалась в центре внимания лубянских следователей. В июле-августе 1919 г. в Москве и Петрограде были произведены массовые аресты, 23 августа «Известия ВЦИК» напечатали список 67 «контрреволюционеров», расстрелянных по постановлению ВЧК. Властям было известно, что до февраля 1920 г. остававшиеся на свободе члены тайных организаций продолжали встречаться на частных квартирах, «за общим чаем и закуской» обмениваться мнениями о перспективах развития страны и о возможности влиять на ход событий. ВЧК произвела новую серию арестов, причем участникам «чаепитий» была инкриминирована подготовка свержения советской власти и установления в России генеральской диктатуры. Как раз под эту волну арестов и попал Урусов. На сей раз его поместили во Внутреннюю тюрьму Особого отдела ВЧК⁹¹.

«Дело Урусова» было поручено следователю Особого отдела Я. С. Агранову. В отличие от многих своих коллег, людей попросту неграмотных, которые «не всегда хотели, а, возможно, и не могли понять разъяснения подсудимых», Агранов представлял совершенно иной тип инквизитора. По воспоминаниям знавших его людей, «он был хорошо образован, имел аналитический склад ума, и его смело можно было назвать тонким психологом. Он мог мастерски воздействовать на слабые стороны арестованных, мог убедить каждого из них по отдельности дать ложные показания в интересах “высшей истины”». Впоследствии Агранов приобрел репутацию «специалиста по интеллигенции», проявив свои способности, в частности,

при расследовании дела профессора В. Н. Таганцева, по которому был расстрелян Н. С. Гумилев, а также в ходе процесса по делу о Кронштадтском мятеже. В 1930 г., в ходе расследования инспирированного самой Лубянкой дела Трудовой крестьянской партии, применяя методы физического и морального воздействия, Агранов сумел получить требуемые для обвинения показания от Н. Д. Кондратьева, А. В. Чайнова и др. Пик его карьеры пришелся на конец 1930-х гг., когда, являясь одним из руководителей органов внутренних дел и ближайшим сотрудником Н. И. Ежова, он оказался непосредственно причастен к массовым репрессиям. Однако судьба сыграла с Аграновым злую шутку: в 1938 г. он сам был объявлен «врагом народа» и расстрелян⁹².

В архиве сохранились свидетельские показания Сергея Дмитриевича от 12 марта и 13 мая 1920 г., в которых речь идет о Совете общественных деятелей, о собраниях членов этой организации, проходивших в 1918-1919 гг.; говорил он и о своем отношении к деятельности Национального центра. Ценность этих показаний в том, что в них содержится характеристика взглядов патриотически и антибольшевистски настроенной интеллигенции. На допросах Урусов прежде всего подтвердил свое участие в двух московских совещаниях общественных деятелей в августе и октябре 1917 г.; затем рассказал о нескольких последующих «малочисленных заседаниях» Совета общественных деятелей, образовавшегося на основе упомянутых московских совещаний. Эти заседания проходили на квартире Леонтьева под председательством М. В. Родзянко, С. Н. Третьякова и дважды – Д. М. Щепкина. «Последние заседания имели характер ликвидационный, – делился Сергей Дмитриевич своими наблюдениями, – совещание, видимо, умирало, говорили больше всего о долгах, которые очень заботили Д. М. Щепкина... потому что была огромная канцелярия ... долги за помещения, печатание отчетов и т.д. ... Долгу оставалось более 40 тысяч, а желающих их покрыть не находили»⁹³. «Думаю, что не ошибусь, если скажу, что в разное время был у Леонтьева раза четыре-пять», – подводил Урусов итог своего участия в заседаниях Совета; последний раз он посетил Леонтьева «на второй день Пасхи 1919 г.» Сергей Дмитриевич упомянул участников этих собраний – Д. М. Щепкин, В. И. Стемпковский, профессор Устинов, Лоскутов, Л.

Л. Кисловский, Н. Н. Виноградский, профессор Сергиевский и еще два неизвестных ему лица («одного из них считаю профессором Духовной академии, приехавшим из Сергиевского посада, а другой, фамилию которого не знаю, приехал, по-видимому, из Сибири»). «Память очень ослаблена пятимесячным тюремным заключением и общим истощением организма», - объяснил Урусов свою недостаточную, по мнению следователя, осведомленность⁹⁴.

«Перестав получать пригласительные повестки (посылались по почте), я счел совещания прекратившими свое существование, – показал далее князь. – Не было ни новых выборов, ни постановлений о возобновлении деятельности, ни передачи полномочий, ни каких-либо поручений отдельным лицам – я, по крайней мере, ничего подобного не получал и не слышал от других о каком-либо наследстве или завещании умершего Совещания. Поэтому, встречаясь с помянутыми выше лицами, я не мог считать наши свидания и беседы продолжением деятельности Совещания. Нас, пожалуй, можно назвать бывшими общественными деятелями. Всего вернее считать нас людьми, интересующимися общественными явлениями и вопросами и не входившими ни в какие партийные, активные организации»⁹⁵.

Делая особый акцент в своих показаниях на «аполитичности» этих собраний, Урусов подчеркивал: «Я всегда считал эти заседания не только вполне легальными, но и несекретными. Так, по-видимому, смотрели все, нисколько не скрывая своего участия». Характеризуя цель и смысл «леонтьевских собраний», Сергей Дмитриевич исходил, прежде всего, из собственных настроений. Вместе с тем, он полагал, что и «прочие участники собраний имели однородные побуждения»: «Я не мог ограничиться интересами семейными и личными – интересами своей норы – в столь важное время. В качестве современника событий мирового значения, я не был к ним равнодушен. Потребность знать, понять, уяснить себе происходящее, постараться заглянуть в загадочное будущее, не отстать от жизни, во мне очень сильна, чему способствовало специальное образование мое как историка и некоторая прикосновенность к литературе. Собрания наши отчасти заменяли мне вольную прессу – русские и заграничные газеты – конечно, в слабой степени. Я встречался и говорил о текущих событиях не только на собраниях Леонтьева. Но преимущество

этих собраний заключалось в известной организованности их, в удобстве квартиры, в некоторой подготовленности к беседам со стороны участников, старавшихся дать интересный злободневный материал, изложить его в связной форме. Словом, составилась кружок, объединяемый хозяином квартиры; после посещения собрания я всегда выносил что-нибудь интересное. Случалось и мне кое-что сообщать и высказывать свои мнения по тому или иному вопросу»⁹⁶.

Одной из главных тем «леонтьевских собраний» стал вопрос о мире и войне, расколовший, по словам Урусова, «не только кадетскую партию, но и все общество». Ставя во главу угла «заботу о русских интересах», Сергей Дмитриевич так определил отношение своих единомышленников к Брестскому мирному договору: «мы держались мнения, что мир заключен, нет больше ни врагов, ни союзников... рассчитывали, что победа Антанты может принести нам пользу, но отрицали разумность предоставления территории России для столкновения японцев с немцами. Заслужили казавшуюся в то время обидную кличку германофилов (немецкая ориентация), хотя наша ориентация была только русская»⁹⁷.

В дополнительных показаниях от 13 мая 1920 г. Урусов внес некоторые уточнения по данному вопросу. Он вспомнил, что летом 1918 г. (предположительно, в июле) к нему зашел его давний знакомый, профессор П. И. Новгородцев, возглавлявший тогда московскую кадетскую организацию, и предложил «обсудить на нейтральной почве некоторые вопросы..., касающиеся иностранной политики и отношения к миру и войне..., волнующие и разъединяющие представителей различных общественных групп, с целью придти к единообразному взгляду... Воспользовавшись тем, что я в то время жил в одиночестве (о чем Новгородцев знал), я немедленно и очень охотно предложил собраться у меня, спросив предварительно, сколько лиц будет приглашено и получил ответ: «пятнадцать». Я предупредил, что возвращаюсь со службы домой только в 6 часов вечера, просил не стесняться моим отсутствием, собираясь в любое время, и предложил второй ключ от квартиры, но Новгородцев сказал, что мое присутствие не только уместно, но желательно, а потому и было выбрано такое время, когда я был дома. Вследствие этого я участвовал в 2-х заседаниях, но не как представитель какой-либо группы, а как

хозяин квартиры, известный большинству приглашенных. На первом же собрании состав для меня выяснился настолько, что я мысленно подразделил его на 5 групп». Согласно «классификации» Урусова, это были – «три кадета» (В. А. Степанов, Н. И. Астров, А. А. Червен-Водали), «три профессора» (П. Б. Струве, Е. Н. Трубецкой, П. И. Новгородцев), «три члена бывшего Совета общественных деятелей» (А. С. Белоруссов (Белецкий), Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев), «три торгово-промышленника» (М. М. Федоров, С. А. Морозов «и еще один – фамилию не помню») и «три земельных собственника» (В. И. Гурко, бывший член Государственного Совета; А.В. Кривошеин, в 1908-1915 гг. главноуправляющий землеустройством и земледелием, и – предположительно – И. Б. Месснер, в 1918-1919 гг. член правления Московского областного Союза кооперативных объединений).

«Первое заседание, – продолжал свои показания Урусов, – было посвящено вопросу об отношении к Брестскому миру в том смысле, не следует ли пропагандировать в общественных кругах идею верности договорам и не надо ли открыто и громко стать в оппозицию по отношению к правительственной политике по данному вопросу. Высказывались за и против, приводили различные доводы, причем каждый считал свою точку зрения патриотически-национальной и в этом смысле ее защищал. Голосования не было, но можно было усмотреть, что защитники и противники мира находились примерно в равном числе. Разошлись с намерением собраться вторично. Второе заседание прошло не так спокойно. Было доложено, что наши бывшие союзники переживают трудный момент, и что русское общество должно употребить всевозможные усилия, дабы помочь Антанте. Обсуждался определенный проект активного участия в войне японцев. С помощью Сибирского пути предполагалось воссоздание восточного фронта, причем Европейская Россия должна была стать плацдармом для борьбы германских сил с японскими и русскими добровольцами. Различные общественные круги должны были выразить сочувствие названному плану, т.е. как бы санкционировать его – так сказать пригласить японцев от имени неофициальной России, устранив сомнения японского правительства относительно непрошеного появления их войск в нашей стране... Горячо возражали Щепкин, Кривошеин, Гурко, Леонтьев и другие. На этот раз и я вмешался в прения,

высказавшись против вмешательства и продолжения войны. Были при этом допущены суждения и аргументы если не взаимно оскорбительные, то, во всяком случае, далеко выходящие за пределы бесстрастного обмена мнений. Были высказаны неприятные намеки, вызвавшие колкие ответы и, после голосования собрание разошлось. Помнится, 8 голосов высказалось против предложения... Больше мы не собирались ... Возможно и даже вероятно, что июльские совещания явились результатом давления Антанты, но мне это обстоятельство открыто не было», – заявил Урусов, отвечая на вопрос о связях оппозиции с представителями союзников⁹⁸.

Как отмечал Урусов, помимо вопроса о войне и мире, в центре внимания участников «леонтьевских собраний» находился еще целый ряд серьезных проблем, вызванных стремительным распадом бывшей Российской империи и появлением на ее обломках новых государственных образований: «Великороссию начали окружать со всех сторон новые самостоятельные единицы. Отрезали нас от морей, от хлеба, угля, нефти, сахара. Хотелось выяснить, чем это нам грозит и как сложится наша государственная и экономическая жизнь под влиянием центробежных стремлений, получивших развитие, казавшееся нам неестественным и опасным. События на Украине. Скоропадский и Петлюровцы. Немцы на Украине. Гражданская война. Что такое Добровольческая армия и какие могут быть у нее цели и т. под. Участь Москвы. Вздорожание жизни, падение цены денег. Транспорт и подвоз продуктов, падение производительности и проч. Иногда получались сведения из деревни о хозяйственной ее жизни и т.д.»⁹⁹. Сам Сергей Дмитриевич на одном из этих собраний, по просьбе участников, «на основе цифр, взятых из официальных источников», сделал сообщение о падении производительности труда «на некоторых фабриках и заводах»¹⁰⁰. И это также не стало тайной для следствия.

По мнению Урусова, все эти собеседования невозможно было заподозрить в «контрреволюционности»: «В наших собраниях не было председателя, голосований, решений, – словом не было признаков, характеризующих активную организацию, имеющую определенную программу и цель. Никаких филиальных отделений, сношений с провинцией и т.п. я не знаю и полагаю, что их и не было». Впрочем,

замечал Сергей Дмитриевич, «деятельность каждого из участников вне наших собраний не может быть мне известна, тем более, что я многих из них знал мало, не имел никакого представления о связях, знакомствах, образе жизни и занятиях многих из них». Здесь уместно подчеркнуть, что Урусов неоднократно повторял на допросах, что может «отвечать только о себе и за себя»: «Я прошу разрешения освободить меня от обязанности говорить о других. Моя цель – ответить на обвинение, касающееся меня лично. Что я и делаю»¹⁰¹.

Характерно отношение Сергея Дмитриевича к «формальному» определению принадлежности (своей и других общественных деятелей из числа «бывших») к тем или иным надпартийным объединениям, образовавшимся после прихода к власти большевиков. На вопрос Брусиловского, защитника на процессе Тактического центра, – «Когда вы прекратили посещение Совета общественных деятелей?» – Урусов ответил: «Я не знаю, совет ли общественных деятелей то, что я посещал в 18 г. Это кружок лиц, которые иногда бывали там. Это преимущественно были профессора»¹⁰². Вынужденный давать разъяснения и по вопросу о связях СОД с Правым центром, Урусов в показаниях 13 мая 1920 г. заявил, что определенного ответа дать не может по следующей причине: «Я до сего времени не могу уяснить себе, что надо понимать под именем Правого центра, хотя, по-видимому, я отнесен к его составу. Мне нет никакой надобности скрывать ни своего участия в различных совещаниях, ни имен лиц, с которыми я встречался и рассуждал, ни тем, которые затрагивались, ни своих мнений, но названия, вывески мне не нужны и я ими не интересуюсь. Что значит: “правый” центр? Где “левый” и где периферия или крылья? Кто входил и кто из моих собеседников не входил в состав этого центра? Не могу до сего времени ответить на эти вопросы»¹⁰³.

«Я слышал неоднократно о существовании в Москве “Национального центра” и какого-то “Союза освобождения”», свидетельствовал Урусов. Однако он категорически отрицал свою связь с этими организациями, подчеркивая, что ему не знакомы даже лица, входившие в перечисленные объединения. После того, как Урусову были названы имена некоторых членов Национального центра, он высказал предположение, что эта организация имела «так сказать 2 лица и 2 стороны

деятельности: легальную и секретную. Иначе нельзя объяснить участие в Национальном центре некоторых из названных мне лиц, убеждения и миросозерцание которых допускают мысли об участии их в заговоре, имевшем целью ниспровержение существующего строя»¹⁰⁴. На вопрос, знает ли он что-либо о Тактическом центре, Сергей Дмитриевич также ответил отрицательно¹⁰⁵.

«Полагаю, что свободное суждение допустимо для свободного человека»

Предложение сотрудников ЧК письменно ответить на интересующие следствие вопросы Урусов расценивал, как впервые предоставившуюся ему возможность «изложить свое отношение к существующему правительству в ясной и определенной форме, не ограничиваясь, как при прежних анкетах, неопределенным и односложным выражением». В протоколе от 12 марта 1920 г. он собственноручно записал: «Отношение это сложилось под влиянием реальных фактов, а не в виде неподвижной политической идеологии. Я не вижу той силы и той программы, которые могли бы заменить власть и программу Советов, стать на смену нашего правительства. Для монархии нет ни претендента, ни настроения, которое поддерживало бы монархию. Думаю, что печальное последнее царствование надолго исключило из народного сознания монархические тенденции. Для республики, т.е. для строя, основанного на верховенстве народного собрания, при всеобщем участии граждан в выборах, нет [далее слово вписано карандашом – «пока»; Н.Х.] подходящих условий, хотя бы ввиду изменчивости и подвижности государственной границы, невозможности определить, где начинается и кончается Русское государство, условиями транспорта, гражданской войны и проч. Остается существующий строй, доказавший жизнеспособность свою, проявивший энергию, волю к власти», – разъяснял Сергей Дмитриевич свою позицию. И далее: «Полагаю, что ни одна из существовавших в последнее время политических партий не могла бы, став у власти, справиться с предстоящими России задачами, чему доказательством служит правительственный период 1 марта – октября 1917 года. Партийные программы не подходят к новым условиям быстро меняющихся событий. Наше правительство я считаю наиболее свободным в выборе средств, могущих позволить себе выбирать пути в зависимости от запросов жизни, способным

к эволюции и видоизменению, чему можно привести примеры. Иностранную политику нашу я считаю вполне правильной. Некоторые империалистические стремления правительства, в отношении окраин, вполне объясняются неестественным дроблением страны, похожим на развал, ведущий к полному бессилию и разорению. Политическая революция произошла до появления Советов. Но экономическая – дело рук нового правительства. Оно сняло хозяйственную жизнь с прежних устоев – оно же должно подвести под нее новый фундамент и оно обязано так или иначе устроить наше хозяйство. По всем этим соображениям я полагаю, что существующее правительство должно оставаться у власти и считаю все попытки его свергнуть противоречащими интересам страны, задержкой естественного развития нашей государственной и экономической жизни, не говоря уже о массе жертв и преступлений, вызываемых продолжением гражданской войны. Потому я и не уехал из Москвы и старался, хотя и в очень скромной роли, делать что-нибудь полезное в своих родных местах, продолжая верить, что настоящее лучше прошедшего, а будущее будет лучше настоящего.

Критическое отношение к некоторым действиям и приемам правительства я неоднократно проявлял и высказывал, прекратив открытую критику лишь со времени поступления на действительную службу по Морскому Главному штабу. Полагаю, что свободное суждение допустимо для свободного человека. Не привожу здесь своих отрицательных мнений, считая их здесь неуместными. Не могу удержаться, однако, чтобы не высказать в качестве председателя комиссии по гражданскому равноправию в 1-й Гос. Думе, надежды своей на то, что правительство применит помянутый принцип ко всем гражданам России.

В заключение скажу, что лучшая гарантия моего лояльного поведения по отношению к правительству – поступление мое на государственную службу. Я не принадлежу к числу людей, считающих позволительным подрывать строй, членом которого они состоят. Когда я, до 1906 года, короткое время состоял на государственной службе, я руководился тем же правилом и, убедившись в невозможности служить, вышел в отставку. Не могу отнести себя и к числу тех людей, которые, потеряв кошелек с 25 рублями, хотят повернуть обратно колесо истории,

дабы вернуть пропажу. Считаю подозрения, высказываемые по моему адресу, недоразумением, вызванным незнакомством с моей деятельностью и складом моих убеждений. Отвергаю обвинение в участии в заговоре против правительства. Показание свое могу дополнить и развить, если потребуется»¹⁰⁶.

Счастливым финалом?

19 мая 1920 г. Урусов был освобожден из тюрьмы под подписку о невыезде и письменное обязательство впредь не участвовать «ни в каких общественных организациях, кружках, Союзах, [далее слово вписано карандашом – «партиях»]; Н.Х.] и т.п., имеющих политические цели» и не проявлять «ни действием, ни намерением какой-либо оппозиции, а тем более борьбы по отношению к правительственной, Советской власти»¹⁰⁷. 18 августа 1920 г. на заседании Ревтрибунала при ВЦИК по «делу Тактического центра» Урусов не признал себя виновным. Он, в частности, обратил внимание на следующие неточности в обвинительном акте: «Там говорится, что я был членом Союза земельных собственников, я не был членом его. Затем говорится, что я был избран Советом общ[ественных] д[еятелей] одним из делегатов в какую-то организацию. Это тоже неверно. Избраны были Леонтьев, Щепкин и Белорусов, я же избран не был. Очевидно, лицо, передававшее сведение, введено было в заблуждение созвучием имен. И говорится, что я составил проект финансовой реформы. Я такого проекта не составил, потому что я не способен составить, это область, незнакомая мне». Впрочем, по замечанию Урусова, всем этим обстоятельствам сам он не придавал большого значения.

Гораздо более существенным Сергей Дмитриевич считал разъяснение своей истинной позиции по вопросу о войне и мире: «Я в обвинительном заключении встретил впервые такое указание, которое мне на предварительном следствии предъявлено не было и изумило, а именно... говорится: “германофильский правый ц[ентр] входил в сношения с Германским правительством по поводу желательности оккупации Москвы и свержения сов[етской] власти”». «Сказано достаточно, – констатировал Урусов, – чтобы запачкать репутацию человека, и это дает мне право обратиться к представителю обвинения с просьбой сказать мне совершенно открыто

и прямо и просто, предъявляется ли мне обвинение в том, что я сочувствовал возникновению новой войны России с Германией и оккупации военными силами Германии Москвы или не предъявляется. Если нет, то все мои показания окончены, но если да, то разрешите мне сказать по этому поводу».

На последовавший прямой вопрос главного обвинителя («Вам были поручены переговоры?») Урусов дал столь же категоричный отрицательный ответ: «Я никогда не был в Германском посольстве и никогда не встречал ни одного представителя Германского посольства, кроме как когда меня посетил Ритцлер по своей инициативе». На предложение главного обвинителя Н. В. Крыленко рассказать об этой встрече более подробно, Урусов откликнулся горячо. По словам Сергея Дмитриевича, он давно ждал случая, чтобы посчитаться со «сплетнями» о нем как участнике переговоров с германскими официальными лицами. «Ритцлер был представителем германского посольства, я не был представителем никого... Я не скрывал этого посещения и рассказывал всем». Прежде всего, Урусов обратил внимание на то, под каким предлогом явился к нему Ритцлер: «Он говорил, что познакомился в немецком переводе с той книгой, которую я написал [имеются в виду «Записки губернатора» - Н.Х.], и пришел переговорить со мной об одном тяжком явлении, которое удручает германскую миссию, это чрезвычайный антагонизм, проявленный всеми общественными кругами по отношению к немцам, указывал на к.-д. комитет, на профессорские круги, на прессу и говорил: каким образом вы думаете, что мы могли бы получить, как он назвал, Moralfrieden – моральный мир, материальный мы получили в виде Брестского договора».

Сергей Дмитриевич считал это посещение «совершенно естественным», поскольку Ритцлер «был законным представителем если не дружественного правительства, то, во всяком случае, такого правительства, которое ... находится в мирных отношениях к нашему». Тем не менее, «из осторожности» Урусов «пожелал ответить ему не один на один», а при свидетелях. Поэтому при первой встрече Ритцлер получил «уклончивый ответ и приглашение прийти в другой раз». Их вторая и последняя беседа проходила в присутствии приглашенных Сергеем Дмитриевичем Леонтьева и Гурко. Участие последнего в разговоре, по словам Урусова, было

особенно ценным, так как Гурко, помимо знания иностранных языков, «по слухам, принадлежал к той группе русских деятелей, которые в прежнее время имели к Германии известные симпатии». «И вот позвольте мне вам передать буквально то, что ответил Гурко представителю Германского посольства, – свидетельствовал Урусов. – Он ему сказал: “1) императорская мантия германская так забрызгана русской кровью, что эти пятна долго не выведутся, 2) что действительный мир с Германией и дружественные союзные отношения [являются] прямым желанием его и его товарищей, но что теперь, когда наложены на Россию узы Брестского договора, его единственная надежда, что германцы будут разбиты и Россия освободится от этих пут”, – после чего тот вышел и никогда не показывался... Это истина ... приглашать немцев свергнуть правительство путем вооруженного вступления в Россию для меня приравнивается к государственной измене, – подчеркнул в заключение Сергей Дмитриевич. – ... И вот почему я и позволил себе просить вас выслушать меня в этом отношении... Все эти слухи, все эти сплетни порождены теми, кто желали немецкой оккупации... Но никогда ни один из моих друзей, ни я сам не позволяли себе мечтать о новой войне; и такое обвинение совершенно невероятно. Я прошу обратить внимание на то, что это не только не доказано, но до смешного необоснованно, нет ни малейшего обоснования, откуда вы это взяли, откуда эта фраза появилась в обвинит[ельном] акте, что Урусову было поручено. Кем поручено – ни малейшего указания»¹⁰⁸.

«Это человек строго легальный по своему облику», - таково было мнение об Урусове защитника Тагера¹⁰⁹. Следствие также имело возможность убедиться в искренности князя. Свидетельские показания Виноградского, Н. Н. Щепкина подтверждали абсолютно неформальный характер его участия в собраниях Правого центра и другие, уже известные нам сведения, которые Урусов сообщил о себе¹¹⁰. В общем, предположения чекистов по всем пунктам обвинения против Сергея Дмитриевича были разбиты, и Верховный ревтрибунал его полностью оправдал. Напоследок Крыленко предложил ему «продолжать доказывать на деле лояльность своего отношения к советской власти»¹¹¹.

«Образец советского работника»

Богатый опыт и неизменное желание Урусова быть полезным своей стране сделали его особенно востребованными с началом НЭПа. С 1 ноября 1921 г. до 1 марта 1925 г. Сергей Дмитриевич работал управляющим делами (с 1 октября 1924 г. – зав. общим отделом) Особой комиссии при Президиуме ВСНХ по исследованию Курских магнитных аномалий под председательством И. М. Губкина¹¹². В 1923 г. за выдающиеся заслуги на этом посту он был включен в группу сотрудников Комиссии, награжденных орденом Трудового Красного Знамени (постановление ВЦИК от 10 мая 1923 г.).

Спустя почти десять лет эта награда сыграла решающую роль в судьбе его семьи, вновь оказавшейся в критическом положении – на этот раз по случаю зачисления в категорию «лишенцев». После обращения С. С. Урусовой в Моссовет семья смогла снова получать продовольственные карточки. Вот, как вспоминала об этом дочь Сергея Дмитриевича: «Еще в начале 30-х годов – думаю, году в 32 снова на Украине был жестокий голод. На улицах Москвы появилось много нищенков, говоривших с украинским акцентом. В самой Москве чувствовался недостаток продуктов. Была вновь введена карточная система, и была придумана еще одна жестокая и хитроумная мера. Множество жителей Москвы объявлялись “лишенцами”, т.е. по той или иной причине их лишали права на получение карточек или попросту морили голодом. Поводом для этого обычно служило происхождение человека и прошлое его. Правда, по пересмотру в райисполкоме, карточки обычно возвращали, однако т.к. лишенных было множество, дела были навалены чуть ли не до потолка, то пока дойдет очередь до рассмотрения, семья несколько месяцев просидит без хлеба. И вот в один прекрасный день, когда наша семья получала карточки, нам вручили извещение, что со следующего месяца папа и его семья объявляются лишенцами. Правда, у нас был целый месяц, чтобы придумать какой-нибудь выход, но что тут придумаешь... Взяв с собой документы свои и папины и папино свидетельство о трудовом ордене Красного Знамени я пришла в переднюю Моссовета. Назвав нужного мне человека по имени и отчеству как знакомого (я имя теперь забыла)¹¹³, просила пропустить меня к нему. Красноармеец, соединившись по телефону, сказал,

что какая-то гражданка просит разрешения войти и передал мне трубку. Я по телефону опять назвала имя и отчество, стараясь говорить весело, как со знакомым. Меня пропустили. Я шла по громадным залам тогда еще не подстроенного и не переделанного бывшего дома генерал-губернатора, в которых один раз я превесело танцевала на балу. Как же я волновалась! Войдя в кабинет, я к ужасу своему увидела не одного, а трех человек, и совершенно не знала, кто же “мой знакомый”? Один из них обратился ко мне с вопросом. Я объяснила, что нас лишили карточек. “А Вы мне сказали, что по личному делу?” недовольно сказал он – но я ответила: “а голод разве не самое личное дело?”. И тут, я помню, что я вдруг ужасно рассердилась, мне стало все равно и я сказала: “не может быть, чтобы нами управляли сумасшедшие и чтобы одной рукой они давали орден за хорошую работу, а другой отнимали хлеб”. Я протянула свои документы и все три мужчины стали их внимательно разглядывать. Мой “знакомый” повернулся ко мне и сказал: “Это, безусловно, ошибка. Нами управляют не сумасшедшие. Вы завтра пойдете утром в Петровские линии, где отдел карточек”. Я с отчаянием, прерывая его, сказала: “Там очередь в несколько тысяч человек, и меня никто не пустит”. Однако на это он ответил: “Вы в очередь не становитесь. Вы подойдете к стеклянной двери, увидите там милиционера и ему покажите вот это свидетельство об ордене. Все будет в порядке”. Я поблагодарила и пошла, но совершенно не была уверена в хорошем исходе. Однако, когда на следующий день утром я подошла к заветной стеклянной двери, милиционер передо мной ее распахнул и без очереди сам провел меня к столу. Моментально мои документы были оформлены и карточки восстановлены. Несколько оглушенная, но торжествующая, я прямо, не заходя домой, пошла в домоуправление и произвела своим моментальным восстановлением настолько сильное впечатление, что ... домоуправ к нам подлизывался, пока его не сменили»¹¹⁴.

В начале 1920-х гг. на большой и успешный административный опыт Урусова обратили внимание и в Наркомздраве, куда его пригласили на должность секретаря, затем – управляющего делами рентгеновской электромедицинской и фотобиологической секции. Здесь он проработал с 1 апреля 1921 г. до 25 января 1924 г.¹¹⁵. В этот же период Сергей Дмитриевич являлся членом Комиссии по

улучшению быта ученых (КУБУ) при Моссовете. Пригодились и основательные познания Урусова в сфере экономики и финансовой практики. С 1 июля 1921 г. по 1 мая 1923 г. он числился научным сотрудником московского отделения Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Академии наук, а 25 июня 1925 г. был принят на работу старшим инспектором в отдел инспекций при правлении Госбанка РСФСР (1 октября 1927 г. переведен на должность инспектора).

1 июня 1929 г. Урусова отправили в резерв, признав инвалидом¹¹⁶. В этом году ему исполнилось 67 лет, и он начал хлопотать о пенсии, не предвидя серьезных проблем при ее оформлении, поскольку решением ВЦИК от 25 февраля 1929 г. был восстановлен в гражданских правах. Однако в мае 1929 г., когда Урусов обратился в губернский комитет социального страхования с соответствующей просьбой, ему отказали, поскольку проситель «до революции был князем». Кстати, аристократическое происхождение Сергея Дмитриевича стало для него помехой и в 1931 г., когда он, узнав от своего давнего знакомого Д. И. Шаховского о том, что отдел библиографии Библиотеки им. В.И. Ленина интересуется вопросом о культурно-просветительской работе земских учреждений, предложил библиотеке свои услуги «в качестве лица, прикосновенного к земству, притом любителя общественной работы». «Дирекция библиотеки обсуждала вопрос, можно ли поручить работу бывшему “князю” и решила его отрицательно. Тем и кончился мой благой порыв»¹¹⁷, – с грустной иронией констатировал Урусов. В письме сыну Дмитрию он с нескрываемой досадой замечал, что и его готовность работать безвозмездно, и историко-филологическое образование, и опыт земской службы, «казалось бы, гарантирующие от финансовых проблем и обещающие удовлетворительное исполнение», – «все это померкло перед призраком того татарина, который несколько столетий тому назад перешел на московскую службу с титулом князя. И забавно, и, вместе с тем, грустно наблюдать такую умственную тупость, особенно в людях, занимающихся просветительской деятельностью»¹¹⁸.

В декабре 1932 г. с ходатайством о назначении Урусову пенсии выступило Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, которое особенно высоко ценило его прошлую антипогромную деятельность. Из бывших

политкаторжан Сергея Дмитриевича поддержали многие, в том числе В. Н. Фигнер – легендарная революционерка, член Исполкома «Народной воли», участница подготовки покушений на императора Александра II, проведшая 20 лет в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости¹¹⁹. Однако, по словам дочери Урусова, лишь благодаря вмешательству коллег из Госбанка, отцу «была назначена по тому времени большая пенсия в полном размере его зарплаты, т.е. 200 руб., которые, к несчастью, год от году теряли свою покупательную способность»¹²⁰.

Несмотря на преклонный возраст, все это время Сергей Дмитриевич не сидел сложа руки. В 1931-1932 гг. он работал экономистом в финансовом подразделении Всесоюзного треста племенного и молочного скотоводства, в 1933 г. сотрудничал в планово-финансовом секторе треста «Совхоззапчасть» Наркомсовхозов, в последние годы жизни работал в библиотеке Союза писателей¹²¹. Сослуживцы характеризовали его как «человека исключительной добросовестности, отдающего делу все свои знания и силы», который «может служить образцом советского работника»¹²².

За фасадом «трудовых будней»

И сам Сергей Дмитриевич, и члены его семьи сполна испытали на себе те беды и невзгоды, которые обрушились на страну в первые же годы большевистского правления. Жертвами лихолетья стали старшая дочь Урусова Вера, которая умерла от брюшного тифа 28 августа 1922 г., и жена Софья Владимировна, пережившая дочь всего на 6 дней и скончавшаяся от кровоизлияния в мозг. На руках Урусова и его младшей дочери Софьи осталось двое малолетних детей Веры. Что касается сына Сергея Дмитриевича – Мити, то в конце 1920-х гг. он, потеряв работу в Москве, отправился в Среднюю Азию - в казахский хлопководческий совхоз заниматься селекцией лошадей, пригодных для использования в условиях жаркого и засушливого климата, но всего год спустя был вынужден вернуться в столицу. Здесь ему предложили стать секретным осведомителем НКВД. Его категорический отказ стал началом новых скитаний в поисках работы. «Он мучился, страдал, тяготился своей бездеятельностью и подрабатывал разными путями... Папа не верил, что он не может устроиться и осуждал его», - сочувствовала брату Софья Сергеевна. В конце концов,

судьба снова забросила Дмитрия на восток, на этот раз – Ташкент. «Унывать не стоит: по-видимому, проведение берет тебя под свое покровительство», – ободрял сына Сергей Дмитриевич, хотя от семьи это проведение определенно отвернулось. В начале 1930-х гг. преследования и репрессии обрушились на родных братьев Урусова - Юрия и Дмитрия и мужа его сестры Геннадия Викторовича Калачева. Вообще жить становилось все труднее. «Деньги стремительно дешевеют, продукты дорожают, московская жизнь все более и более приспособляется для людей с большими доходами, - описывал столичную повседневность Урусов. - Все, что можно приобрести, стоит в 10-15 раз дороже довоенных цен, а то, что дешево продается, недоступно занятым людям в силу очередей и, кроме того, отпускается редко, случайно, расхватывается в течение нескольких часов несколькими счастливыми». Согласно последним официальным данным о трудовой деятельности Д.С.Урусова, в 1932 г. он работал научным сотрудником научно-исследовательского Плодоовощного института, а в 1933 г. – инспектором Госплодоовощной инспекции Московской области.

3 апреля 1935 г. Дмитрий Сергеевич был арестован по ордеру Секретно-политического отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР и заключен в Бутырскую тюрьму. По решению Особого совещания при НКВД СССР от 9 мая 1935 г. его, «за антисоветскую агитацию», сослали в Казахстан сроком на 3 года. «Митю выслали на вольное поселение в Семипалатинск, – вспоминала С. С. Урусова. – Перед высылкой было свидание – 10 минут через 2 решетки. Мы были с папой и смогли снабдить Митю на дорогу продуктами и теплой одеждой. В Семипалатинске, еще менее чем в Москве, было шансов получить работу. Ежемесячную денежную поддержку и изредка пищевые и вещевые посылки посылали мы. Папа продолжал быть несправедливым и осуждать Митю за бездеятельность. Раза два Мите удалось трудоустройство: в первый раз – брать пробы кож на сибирскую язву. Это было очень опасное занятие, но и тут проработать ему дали недолго. Когда из Семипалатинска его перевели в Павлодар, он некоторое время работал в раздевалке какой-то пивной, потом вскоре оказалась большая растрата, и пивную закрыли. Одно было несколько утешительно. Это то, что в Павлодаре у Мити

оказались знакомые, и он жил не так одиноко. Я старалась в своих письмах вселять в Митю бодрость, но думаю, что вряд ли это мне удавалось». «После ареста Мити началось что-то трудноописуемое, следовал арест за арестом», – вспоминала Софья Сергеевна.

Письма от Мити перестали приходиться с осени 1937 г. Несмотря на все старания сестры, ей так и не удалось выяснить ничего определенного: «На запросы в Москве мне говорили: “он сам Вам напишет, а если нет, то значит нельзя”. Как только я узнавала какой-нибудь адрес концентрационного лагеря, я писала туда запрос? и неизменно получала ответ, что такой не числится. Только уже в 1945 г. меня вызвали на Кузнецкий 24 и сообщили, что Митя умер от болезни в ноябре 1942 г., но не сказали ни где, ни от какой болезни...»¹²³

Последние заботы и впечатления

Впечатления Сергея Дмитриевича Урусова на склоне лет – это не только арест сына и многих друзей и родственников. Это еще и радость общения с внуками-школьницами, которым он посвятил свои воспоминания. «Дело в том, что мне часто приходится убеждаться в том, что сведения, которые внушаются школьникам об общественных условиях и порядках, о нравах и обычаях прошлого времени, весьма далеки от истины, – объяснял Сергей Дмитриевич основные причины, побудившие его завершить в конце 1920-х – начале 1930-х гг. давно начатую работу над мемуарами. – Обработка умов подрастающего поколения не ограничивается при этом пристрастным толкованием и тенденциозным освещением фактов, но допускает крайне своеобразное обращение с исторической наукой, бесцеремонную подтасовку и полное искажение перспективы исторических событий. Я, например, несколько раз убеждался в том, что, по мнению детей школьного возраста, крепостное право было уничтожено революцией 1917 года, что до этого времени помещики секли крестьян, что доступ в школы, гимназии и университеты был открыт только богатым, составляя привилегию класса и т.д. Я не считаю разумным вести домашнюю борьбу со школой и стараться дискредитировать школьное преподавание в глазах детей, которым придется жить и действовать в условиях своего времени. Происходящий погром в

области исторической истины затронул великие и непоколебимые силы – разум и науку, от которых он и получит в свое время должную оценку без моего участия. Мое намерение приняться за свои воспоминания вызвано лишь желанием оставить своим внукам безыскусственный и правдивый рассказ о том, как я жил и что видел в обстановке, близкой именно к тому кругу лиц и отношений, которые представлены им в особо фальшивом освещении. Прочтут они мой рассказ позднее, когда он не сможет повредить их учебной карьере»¹²⁴.

Тяжело переживал Урусов установление в стране режима жесточайшей цензуры: «Книгохранилища частных лиц отобраны и где-то спрятаны, а из публичных библиотек изъято и скрыто от публики множество книг, не отвечающих “духу времени”»¹²⁵. Страстный библиофил, Сергей Дмитриевич с болью вспоминал о судьбе, постигшей богатейшую библиотеку, которую владельцы Расвы собирали на протяжении нескольких поколений: «В 1920 году мне передавали, что в Перемышле на грязном, сыром месте площади был устроен временный тротуар из огромных переплетенных в кожу томов французской энциклопедии XVIII века. Томов этих было свыше ста. Где теперь остальные книги – мне неизвестно»¹²⁶.

В архиве хранится книга семейных расходов и доходов, которую Урусов, как рачительный хозяин, вел до конца своих дней. В начале 1930-х гг. именно эта объемная тетрадь являлась (в дополнение к своему прямому назначению) еще и своеобразным «дневником» Сергея Дмитриевича, куда он время от времени записывал что-нибудь заслуживающее его внимания - из текущей жизни или из прочитанного... Пропаганда «пролетарской поэзии» и вообще навязывание пресловутого «соцреализма», лозунг об обязательной «партийности» литературы – все это угнетающе действовало на Сергея Дмитриевича, убежденного в том, что «жизненная правда опровергает механистическую теорию Маркса». С глубокой тревогой он отмечал неуклонное снижение качества «литературы эпохи Сталина», как следствие отсутствия у многих писателей «честного и строгого отношения к работе со словом и над словом». В феврале 1934 г. Урусов выписывает из «Литературной газеты» в заветную тетрадь отрывок из «Открытого письма» Максима Горького к А. Серафимовичу, передающий безотрадное, тягостное впечатление и

самого Сергея Дмитриевича от литературного процесса: «Кто-то редактирует, кто-то издает обильнейший словесный брак, какие-то безответственные люди хвалят эту продукцию безответственных бракоделов; хвалят, очевидно, по невежеству и по личным симпатиям к авторам». Пролистав в 1935 г. 3-й номер журнала «Литературный критик», Урусов не удержался и процитировал в своем «дневнике» одного из выступавших на пленуме правления Союза советских писателей: «Мы сейчас имеем самую лучшую в мире художественную литературу, самую высокую в мире театральную культуру, самый лучший театр в мире и самую лучшую в мире живопись, но пока мы отстаем в критике...» – «Но не в хвастовстве», – добавил от себя Сергей Дмитриевич¹²⁷. Он тяжело переживал девальвацию печатного слова, манипулирование государством сознанием людей с помощью мощной пропагандистской машины. «Мы живем в атмосфере выдуманных чувств; читатель верит всякому напечатанному слову и потом воображает, будто испытывает эти чувства... Эти чувства звучат фальшиво, как медные бляшки, но они имеют хождение», – словами одного из героев романа Андрэ Жида «Фальшивомонетки» Урусов передает собственное впечатление от окружающей его действительности¹²⁸.

Перечитывая произведения любимых с юности авторов, Сергей Дмитриевич не раз убеждался в том, насколько точно наши классики отображали неизбывные черты русского национального характера. Из тургеневского «Дыма»: «Вот поднять старый стоптанный башмак, давным-давно свалившийся с ноги Сен-Симона или Фурье («или Маркса?»), - язвительно добавляет Урусов в скобках) и, почтительно возложив его на голову, носиться с ним, как со святыней – это мы в состоянии; или статейку настроичить об историческом и современном значении пролетариата – это мы можем»; «нам во всем и всюду нужен барин. Баринот этим обыкновенно бывает живой субъект. А иногда какое-нибудь направление над нами власть возымеет, ... ну вот он (барин) и есть у нас. Это, значит, *наш* (выделено Урусовым. – Н.Х.), а на остальное нам наплевать! Чисто холопы! Холопская гордость и холопское унижение! Новый барин народился – старого долой!.. В ухо – Якова, в ноги – Сидору!... Кто палку взял, тот и капрал!». А вот из А. Толстого: «Потребность лежать то пред тем, то пред этим на брюхе на вчерашнем основана духе»¹²⁹.

В собственную копилку цитат на злобу дня Сергей Дмитриевич поместил и строки из знаменитого провидческого «Философского письма» П. Чаадаева: «Мы принадлежим к числу тех народов, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обречем себя в среде человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?»¹³⁰. Жизнь советской России рождает у него не только литературные ассоциации. Как историк по образованию, Сергей Дмитриевич невольно сравнивал современность с прошлым: «Жандармские функции Компартии выполняются с помощью приемов более серьезных по сравнению с бывшим III Отделением Императорской Канцелярии»¹³¹. Профессиональный, проницательный взгляд на развитие международной ситуации позволял Урусову провести определенные аналогии между СССР и гитлеровской Германией. Благодатный материал для подобных размышлений он находил, в частности, в советских газетах. Вот, к примеру, выписка из «Вечерней Москвы» от 14 августа 1934 г. Это – цитата из предисловия Генриха Манна к «сборнику рисунков лучших современных карикатуристов – «Третья империя в карикатуре», готовившегося тогда к изданию в Праге: «Чем живет, на что существует это государство? Организацией катастроф... Народное хозяйство, денежный курс, система, мысль, мнение, мораль – все рушится. В моде так называемый “героизм”, – ведь он ничего не стоит, кроме чужих жизней. Быть героем – это значит сконцентрировать все средства насилия в своих руках и все же трястись от страха»¹³².

Стараясь понять стремительные перемены в окружающем мире, связанные во многом с утратой главного – здравого смысла, Урусов обращается к научным трудам, в частности, известного французского социолога Г. Тарда, и находит у него мысли, очевидно, созвучные его собственным: «Не забудем роли ненормальных, т.е. нервных и полубезумных людей в истории всех времен. Социальные кризисы дают перевес неуравновешенным людям. Смуты общества можно измерять степенью нервного расстройства людей, пользующихся в нем влиянием. Глупцы, руководимые безумцами, или безвольные люди в руках маньяков – вот вывод множества

исторических событий». Правда, следом, Сергей Дмитриевич, всегда старавшийся судить обо всем объективно и беспристрастно, добавляет: «В противовес вышеописанным строкам, надо помнить, что:

«Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять,
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать:
Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменившуюся жизнь;
От чувства затаенной злости
На новый современный мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир,
Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор –
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.
От желчи горького сознанья,
Что нас поток уже несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед...»

(Ф.Тютчев)

Многолетний напряженный труд, общественно-политические перипетии, в эпицентре которых Урусов оказывался волею судьбы, тяжелые личные утраты и переживания – все это серьезно подорвало и без того не крепкое здоровье Сергея Дмитриевича. Его уход, как, впрочем, и вся жизнь, неизменно и старательно оберегаемая им от внешних эффектов, – не был картинно-впечатляющим, как, возможно, хотелось бы некоторым современным авторам. По свидетельству дочери, кончина Сергея Дмитриевича осенью 1937 г. не была связана с вмешательством

каких-либо «внешних» сил: «У него была выраженная слабость сердечной мышцы и появились значительные отеки и одышка, даже и безотносительно астмы ... Он был убежден, что эта его болезнь – последняя ... В ночь на 5 сентября папа очень тихо во сне умер... При его смерти была я одна»¹³³.

Похоронили С. Д. Урусова в Москве, на Даниловском кладбище. Могила его не сохранилась.

Примечания

¹ «Записки» (воспоминания князя С.Д. Урусова) // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 550. Карт. 2. Д. 11. Л. 231-232.

² Урусова С.С. Урусовский характер // Личный архив А.И. Фадеева, правнука С.Д. Урусова (без нумерации страниц).

³ ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 3. Д. 2. Л. 72.

⁴ Воспоминания Ек.А. Фадеевой // Личный архив А.И. Фадеева.

⁵ ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 3. Д. 2. Л. 77-78.

⁶ Серков А.И. Русское масонство. 1731-2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 823-824, 1140-1142.

⁷ Яков Пасынков – герой одноименной повести И. С. Тургенева, одного из любимых писателей С.Д. Урусова.

⁸ Resignation – покорность судьбе, смирение (фр.).

⁹ «Подсвинок» (домашний рукописный журнал Урусовых). 1911. 8 августа. № 7 // Личный архив А.И. Фадеева.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 3. Д. 2. Л. 224-225.

¹¹ Урусова С.С. Урусовский характер.

¹² ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 3. Д. 2. Л. 163-164.

¹³ Там же. Карт. 2. Д. 11. Л. 86.

¹⁴ Из воспоминаний Ек.А. Фадеевой // Личный архив А.И. Фадеева.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 3. Ед. хр. 1. Л. 279.

¹⁶ Из воспоминаний Ек.А. Фадеевой.

¹⁷ Современное название местности – «Росва».

¹⁸ Урусова С.С. Урусовский характер.

¹⁹ Софья Гиацинтова. С памятью наедине. М., 1989. С. 470.

²⁰ См. подробнее об истории рода князей Урусовых: Нарбут А.Н. Князья Урусовы. Родословные росписи. Вып. 2. М., 1994; Эда Урусова – актриса из княжеского рода / Автор-составитель Ю.М. Унковский. Владимир, 2007. С. 203-209;

²¹ ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 2. Д. 11. Лл. 3-4.

²² Там же. Л. 4.

²³ Урусов Семен Никитич. Краткое обозрение состояния земледелия и народной промышленности в Ярославской губ. и причин их упадка // ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 4. Ед.хр. 15. Лл. 4 – 4 об.

²⁴ О С.С. Урусове и его дружбе с Толстым см.: Толстой С.Л. Очерки былого. Тула, 1975. С. 312 – 318 (Князь Сергей Семенович Урусов); Ляшук П.М. Князь С.С. Урусов на поле боя и за шахматной доской // В кн.: Крымский музей. 1994. Кн. 1. Симферополь, 1995. С. 37 – 39; Б. Сवादковский. «Это мой севастопольский друг...» (Л.Н. Толстой и С.С. Урусов) // В кн.: Толстой и о Толстом. Вып. 1. М., 1998. С. 186 – 204.

-
- 25 ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 2. Д. 11. Л. 7.
- 26 Там же. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1 об.
- 27 Там же. Карт. 3. Д. 1. Л. 299
- 28 См., например: С.Д. Урусов. «И вот, вдали показался красавец Ярославль» (из воспоминаний) // Ярославская старина, 1997, № 4, с. 42-64.
- 29 Там же. Карт. 2. Д. 11. Л. 98а, 241-242.
- 30 Там же. Л. 30.
- 31 Там же. Л. 169.
- 32 Там же. Карт. 3. Д. 2. Л. 126.
- 33 Там же. Д. 1. Л. 302.
- 34 Лев Толстой как «мерило человеческой... стадности». (Из неопубликованных воспоминаний кн. Сергея Урусова) // Историк и художник. М., 2004. № 1. С. 100.
- 35 Юрьев Б.И. Кишиневский погром // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. М., 1996. С. 587
- 36 Урусова С.С. Моя жизнь (воспоминания) // Личный архив А.И. Фадеева.
- 37 Подробнее см.: «Человек ли царь?» (Воспоминания кн. С.Д. Урусова «Беседы с Николаем II») // Историк и художник. М., 2004. № 2. С. 183-188.
- 38 ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 3. Д. 2. Л. 77-78.
- 39 Там же. Л. 66.
- 40 Там же. Л. 114.
- 41 Подробнее см.: «Не переоцените моих сил и способностей»: из воспоминаний князя С.Д. Урусова о 1905 г. // Исторический архив. М., 2004. № 1. С. 120-132.
- 42 Цит. по: Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004. С. 161.
- 43 ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 3. Д. 2. Л. 218.
- 44 Там же. Л. 221.
- 45 Там же. Л. 224-225.
- 46 Там же. Л. 230.
- 47 Там же. Карт. 3. Д. 1. Л. 118 [приложение «Речь в Думе»].
- 48 Там же. Л. 6 [приложение «Наши однофамильцы»].
- 49 Там же. Карт. 3. Д. 2. Л. 244.
- 50 Там же. Л. 245-246.
- 51 Там же. Карт. 1. Д. 15 [«Служебная карта состоящего на государственной службе сотрудника», 12 декабря 1924 г.]. Л. 2 об.
- 52 Вся Москва на 1910 год. М., 1910.
- 53 ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 1. Д. 15. Л. 2 об.
- 54 Урусова С.С. Моя жизнь.
- 55 Там же.
- 56 Там же.
- 57 Временное положение о милиции // Вестник Временного правительства. Пгр., 1917. № 35 (81). 20 апреля (3 мая).
- 58 Урусова С.С. Моя жизнь.
- 59 Там же.
- 60 Там же.
- 61 Русские ведомости. 1917. 10, 13 и 14 октября (№№ 231, 234, 235).
- 62 Урусова С.С. Моя жизнь.
- 63 ЦА ФСБ. Н-206. Т. 9. Л. 33.
- 64 ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 6. Ед.хр. 19. Л. 3 об. – 4.
- 65 Урусова С.С. Моя жизнь.
- 66 Там же.
- 67 Там же.

-
- 68 ЦА ФСБ. Н-206. Т. 9. Л. 46.
- 69 Урусова С.С. Моя жизнь.
- 70 Там же.
- 71 Там же.
- 72 ЦА ФСБ. Н-206. Т. 9. Л. 46.
- 73 Урусова С.С. Моя жизнь.
- 74 ЦА ФСБ. Н-206. Т. 9. Л. 26
- 75 Урусов С. О русских монастырях (Беседа в тюрьме в 1919 году) // Историк и художник. М., 2005. № 3 (5). С. 158.
- 76 Обречены по рождению... По документам фондов Политического Красного Креста. 1918-1922. Помощь политзаключенным. 1922-1937. СПб., 2004. С. 112-113.
- 77 ЦА ФСБ. Н-206. Т. 9. Л. 28-30 об., 33.
- 78 Там же. Л. 31, 32, 38.
- 79 Там же. Л. 34-35.
- 80 Там же. Л. 138.
- 81 Там же. Л. 137, 138.
- 82 Там же. Л. 36.
- 83 Там же. Л. 37-37 об.
- 84 Обречены по рождению. С. 113.
- 85 ЦА ФСБ. Н-206. Т. 9. Л. 45.
- 86 Там же; ОР РГБ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 12 [Автобиография С.Д. Урусова]. Л. 2 об.
- 87 Урусова С.С. Моя жизнь.
- 88 Соколов А.С. Об использовании старых специалистов в 1918-1922 годах // Социальные реформы в России: теория и практика. Вып. 3. М., 1993. С. 42-43.
- 89 Там же.
- 90 ЦА ФСБ. Н-206. Т. 9. Л. 21, 58.
- 91 О деятельности Всероссийского Национального центра и связанных с ним организаций см. документальную публикацию: Всероссийский Национальный Центр. М., 2001.
- 92 См.: Балязин В.Н. Профессор Александр Чаянов. М., 1990. С. 247; Елисеева И.И. А.В. Чаянов. Жизнь и деятельность // Чаянов А.В. Избранные труды. М., 1991. С. 17-18.
- 93 ЦА ФСБ. Н-206. Т. 9. Л. 49; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 1318. Л. 113. – Стенограмма заседания Ревтрибунала ВЦИК по процессу контрреволюционной организации «Тактический центр», 18 августа 1920 г.
- 94 ЦА ФСБ. Н-206. Т. 9. Л. 49, 53.
- 95 Там же. Л. 50.
- 96 Там же. Л. 49-50.
- 97 Там же. Л. 50.
- 98 Там же. Л. 56-57.
- 99 Там же. Л. 50-51.
- 100 ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 1318. Л. 111.
- 101 ЦА ФСБ. Н-206. Т.9. Л. 51.
- 102 ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 1318. Л. 112.
- 103 ЦА ФСБ. Н-206. Т. 9. Л. 57.
- 104 Там же. Л. 51-52.
- 105 ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 1318. Л. 112.
- 106 ЦА ФСБ. Н-206. Т. 9. Л. 52-53.
- 107 Там же. Л. 59.
- 108 ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 1318. Л. 107-109.
- 109 Там же. Д. 1319. Л. 98.

¹¹⁰ Там же. Д. 1317. Л. 10-13; Д. 1318. Л. 43. – Стенограмма заседания Ревтрибунала ВЦИК по процессу контрреволюционной организации «Тактический центр» от 17 августа 1920 г. Показания Н.Н. Виноградского и Н.Н. Щепкина.

¹¹¹ Крыленко Н.В. За пять лет. 1918-1922 гг. Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанным в московском и верховном революционных трибуналах. М.-Пг., 1923. С. 51.

¹¹² Серков А.И. Русское масонство. 1731-2000 гг. С. 824.

¹¹³ Имя этого чиновника С.С.Урусовой сообщил сосед по дому – служащий Моссовета.

¹¹⁴ Урусова С.С. Моя жизнь.

¹¹⁵ Серков А.И. Указ. соч. С. 824.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 3. Д. 1. Л. 375.

¹¹⁸ Письмо С.Д. Урусова к сыну Дмитрию в Ташкент (5 сентября 1931 г., Москва) // Личный архив А.И. Фадеева.

¹¹⁹ ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 1. Д. 25. Л. 1.

¹²⁰ Урусова С.С. Моя жизнь.

¹²¹ Серков А.И. Указ. соч. С. 824.

¹²² ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 1. Д. 26. Л. 1.

¹²³ Урусова С.С. Моя жизнь.

¹²⁴ ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 2. Д. 11. Л. 1-2.

¹²⁵ Там же. Л. 12.

¹²⁶ Там же. Карт. 3. Д. 1. Л. 300.

¹²⁷ Там же. Карт. 4. Д. 14 [Урусов С.Д. Книга записи расходов за январь 1927 – сентябрь 1937 гг.]. Л. 221, 223.

¹²⁸ Там же. Л. 222.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. Л. 222 об.

¹³¹ Там же. Л. 221 об.

¹³² Там же. Л. 223.

¹³³ Урусова С.С. Моя жизнь.